
Павел Некрасов
Пепел
книга Вторая
Бездна
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
КДПН

Павел Некрасов

Пепел. Книга вторая. Бездна

«Автор»
2026

Некрасов П.

Пепел. Книга вторая. Бездна / П. Некрасов — «Автор», 2026

Конец девяностых. Программа защиты свидетелей сработала неэффективно: главный свидетель убит, невиновного подставили. Брат обвиняемого в убийстве обращается к армейскому другу за помощью. Вскоре события принимают скверный оборот, могущественный преступный клан начинает на них охоту.Книга вторая романа "Пепел". Для широкого круга читателей.

© Некрасов П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1.Возрождение 5
2. Хамелеон 9
3. Нина 19
4. Экзекуция 23
5. Кочевник 30
6. Обретение 37
7. Послание 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Павел Некрасов
Пепел. Книга вторая. Бездна

1.Возрождение

Погода была, не приведи, Господи: то солнце ударит – зальет тающие снега золотым светом, то вдруг станет сумеречно – небо затянет пепельно-серой кисеей, и завихрится густой снег под вьюжащими порывами ветра. Март.

– В такую погоду, – с затаенной радостью произнес Климов, – приятно бездельничать, лежать на диване и смотреть телевизор.

Сказал так, словно манил несбыточным.

От его слов Игорь улыбнулся в первый раз за это сумбурное утро. Он на самом деле прикорнул бы сейчас и задремал под мерцающие картинки ящика, не ведая о пронизывающем снежном ветре и жарком солнце, от улыбки которого начинают нежно сочиться крыши, а наметенный только что снег жухнет и стаивает.

Климов скинул пальто и растер руки.

– Вот что, – деловито сказал он. – Ты поставь чайник, а я в буфет сбегаю!

Он вышел в коридор, и тотчас за дверью монотонно забубнили. Игорь прислушался, но услышал только, как в соседнем кабинете с грохотом передвинули стул и что-то у них там упало. Он подошел к окну и с наслаждением расправил плечи, вглядываясь в мартовский бардак за окном. Снова прислушался к бубнящей скороговорке за дверью. Идти за водой не хотелось. По краю сознания скользнула неприязнь к Климову как к невольному источнику всех его неприятностей в последнее время. Он подавил ее, взял с тумбочки чайник и отправился за водой.

В коридоре было пусто. Вернее сказать, коридор казался пустым. Неприметные, скованные движения посетителей мозг фиксировал как отсутствие движения. Как у лягушки или плотоядного ящера.

С первого этажа донесся хлопок дверей и неясный смех. Кажется, смеялись двое, смеялись дружески и искренне. Игорь направился к туалету, и в этот момент его окликнул высокий темноволосый мужчина. Вот уж кого он меньше всего ожидал встретить сегодня.

– Какими судьбами? – спросил скорее из приличия.

– Это ты как здесь оказался?! Наверное, я конкретно от жизни отстал! – широко улыбнулся тот.

На лавке возле кабинета сидела мордатая плотная старуха в темном пальто послевоенного покроя. На них она смотрела без интереса. Сидела неподвижно, как истукан, только глаза жили на бесстрастном лице.

– Перевели сюда, – ответил Игорь. – Сам-то что в Ситове потерял?

– Бабушка моя, – Черников кивнул в сторону лавки, – пустила квартирантов на свою голову! Денег не платили, колбасились, потом воровать начали, а потом и вовсе исчезли! Я для моральной поддержки приехал. Ты здесь давно работаешь? Я тебя сто лет не видел!

Он неловко переступил с ноги на ногу и, похрустывая в кармане сигаретной пачкой, пожаловался:

– Если честно, надоела уже эта бодяга…

Игорь прозрачный намек понял – помоги по старой дружбе. Но к просьбе одноклассника остался безучастен, были между ним и Черниковым кое-какие счеты. Детство, конечно, но поделать с собой он ничего не мог и не хотел.

– Ладно, будь здоров! – он махнул на прощание.

«Да, пошел ты, – думал он. – Пошел ты, Дима, куда-подальше!»

В туалете без спешки выкурил сигарету и пропустил на всякий случай воду. Брезговал он ей до сих пор: была она в Ситове темна, и на вкус, сколько ее ни пропускай, отдавала ржавой трубой и какой-то затхлой гадостью. Когда он вышел из туалета, ни Черникова, ни его бабушки в коридоре уже не было. Игорь ухмыльнулся и, оглянувшись еще раз на залитое солнцем окно в конце коридора, вернулся в кабинет.

Климов сидел на подоконнике, задумчиво смотрел на дорогу, в его пальцах тлела сигарета. Было ему сорок девять лет, хотя временами казалось, что лет ему намного больше. Наверное, оттого что временами он начинал говорить по-деревенски, вворачивая уже забытые слова. Был он в звании подполковника, занимал неприметную должность в райотделе небольшого уральского городка в тех краях, где тайга незаметно переходит в тундру. По сути, отсиживался после грандиозного скандала, разразившегося в областном управлении в начале девяносто шестого года.

Был он коренаст и ловок, и окружающих удивлял своей подвижностью и отменным здоровьем. И был он жизнерадостен и радушен с людьми настолько, что Игорю, впавшему от собственного перевода в стойкую депрессию, временами становилось за самого себя стыдно. Лицо же у Климова было слегка отпугивающим, малоподвижным и широкоскулым с тяжелым квадратным подбородком и мощными надбровными дугами, сломанным приплюснутым носом и темными глазами в щелочке между век. Время от времени он не брился по неделе, отчего становился похож на форменного бандита. И с этакой внешностью совсем не вязался его голос – мягкий и быстрый, с легким южным акцентом.

В одном кабинете они работали чуть больше года. Друзьями за это время не стали, не стали и товарищами. Дистанцию держали ту же, что и в день знакомства. У каждого была своя работа – это во-первых. А во-вторых, такой матерый волчище, как Климов… Впрочем, хватит и первого. По крайней мере, Игорь свою позицию в тайном промысле соглядатая объяснял этим и радовать кураторов не собирался. «Я вас, гадов, динамить буду, – оставшись наедине, бормотал он под нос, хотя прекрасно понимал, что в итоге ему не простят ничего. – Я вам в карты не проиграл, чтобы в такое дерьмо меня макать!»

Выхода он не видел, жизнь снова запустила его волчком по замкнутому кругу. А обстоятельства выталкивали из обжитого мира, как пробку из воды. И он даже думать боялся о финале этого забега.

Климов же, то ли как более опытный, то ли по иной причине, относился к своему положению как к должному. И ни разу не дал понять Игорю, что осведомлен о его роли. И похоже не был опечален тем, что его собственная жизнь явно пошла под уклон.

– Что ни говори, а все же остались на Руси умные мужики, – наконец сказал он. – Как ни оболванивают нас, как ни переучивают, как ни перекручивают… – он осекся и выбросил окурок в форточку.

На его столе лежал бумажный сверток со сдобой и пачка печенья.

Игорь включил чайник, сел за свой стол и закурил. Говорить ему не хотелось. А хотелось просиживать в тиши кабинета штаны и абсолютно ничего не делать. Просидеть под эту мирную тишину всю жизнь и спокойно помереть на рабочем месте. Он потер глаза и незаметно покачал головой. «Ну ладно, – думал он, – хорошо. Но ведь это их разборки». Он прекрасно понимал, что от их возни не получит ничего. Рано или поздно, его все равно спишут со счетов. Отвесят под зад пинка, и пробежит он на передних лапках, задравши седалище вот от этого окна и до самого крыльца. Потом встанет уже на задние лапки и утрется грязноватым придорожным снегом. «Вот так вот и утрусь» – подумал он, потирая лицо.

Незаметно закипел чайник. Климов после тирады не произнес больше ни слова. Пересел с подоконника за стол и перебирал бумаги.

В чайнике агрессивно забулькало. Игорь сыпанул на ладонь горсть заварки и бросил ее в кипяток.

– Они маринуют не только меня, – изрек Климов. – Тебе они тоже кислород перекрыли.

– Я знаю, – машинально отозвался он и вздрогнул.

– Эти твари не помнят добра. У них нет чувства долга… Ни-ка-ко-го! – Климов посмотрел на него в упор, его взгляд не сулил ничего хорошего. – Так что не заблуждайся насчет выгоды, которую тебе посулили.

– А я не заблуждаюсь. И не посулили мне ничего. Сказали, приказы не обсуждаются. Точка!

– Это на них похоже, – усмехнулся Климов и добавил уже в полный голос и совсем другим тоном: – Давай, что ли, чайку попьем! В такую погоду нет ничего лучше крепкого горячего чая!

Со стороны он напоминал удава, который медленно заглатывает теленка: глазенки бесстрастно поблескивают, только в их темной глубине вспыхивают тусклые искры. И только сейчас он был самим собой – им даже «эти твари» подавились.

– Пришло время нам объясниться, – сказал он, наливая в стаканы густой красноватый чай. – Баба моя такой чай парёнками называет и не пьет! По феншую все делает. А мне нравится! Всю жизнь такой пью.

Уследить за ним было трудно.

– Сейчас обсудим? – спросил Игорь.

– Нет, у этих стен есть уши. Ну как, хорош чай? – Климов отхлебнул из стакана и добавил вполголоса: – И все же интересно, что они наплели про меня?

– Ничего хорошего.

Было около шести часов вечера. В пивной заметно прибавилось посетителей. Заходили после работы ребята с обогатительного комбината, шустро выпивали по две-три поллитровые кружки, обговаривали свои дела и расходились по домам. Были они веселые и спокойные, в отличие от местных жлобов-завсегдатаев.

– Вот и вся канитель, по сути, – закончил свой рассказ Климов и рассмеялся: – Не впечатляет?

– Вообще-то за такое медаль дают, – Игорь отхлебнул из кружки.

– Раньше давали, а нынче голову откручивают. Причем, повсеместно. Не только у нас.

– А тебе свой человек понадобился, да? – заметил Игорь. – Но под рукой никого нет!

По его лицу он понял, что думает абсолютно правильно.

– Я весь во внимании! Прямо скажу: мне такая жизнь осточертела! Когда они подписали меня следить за тобой, автоматом списали со счетов! Верно?

– Да, – кивнул Климов.

– Значит, я все правильно понял, – в этот момент Игорь чувствовал, как пиво туманит голову. – А потом тебя переведут куда-нибудь или из опалы выйдешь. А меня пнут в ППС[1] взводным. Ведь так?

– Да, – снова кивнул Климов. – Ты для них расходный материал. Но не все так плохо. Я не обещаю золотые горы. Но я обещаю тебе вертикальный взлет, если дело выгорит. А оно выгорит.

Пивная уже до отказа была набита любителями пива. Над столиками висел табачный дым, гомон, звенела посуда. Поминали мать, черта, бога, Ельцина.

– Шумно, – пробормотал Климов.

[1] Патрульно-постовая служба – структурное подразделение МВД РФ для обеспечения общественного порядка и безопасности граждан.

Они уже с трудом слышали друг друга сквозь плотный гул попойки. А через мгновение за стойкой громко щелкнуло, и нехорошим голосом взвыл новомодный шансонье, вспоминая чай, курево и лесоповалы. К компании за соседним столиком подсел обтрюханный, небритый мужичонка с косматыми светлыми волосами. Он что-то сказал пирующим с улыбочкой, потом вытащил из кармана пустую бутылку и в таком шуме беззвучно разбил ее об свой лоб.

Климов допил пиво и кивнул на выход. Игорь потушил сигарету и тоже поднялся из-за стола.

– Ты согласен? – спросил Климов, как только они вышли на улицу.

Игорь ухмыльнулся и снова полез за сигаретами. На улице ему показалось холодно и свежо после теплого прокуренного помещения.

– Смешно, – сказал он, неловко прикуривая. – Я даже не знаю, что за дело ты предлагаешь.

2. Хамелеон

– Не поминайте лихом! – Федор бросил сумку на скамью и поклонился в пояс.

Со стороны он выглядел ненормальным. Благо, рядом никого не было, и солнце не взошло. Ночная тень все еще накрывала добрую половину заиндевевшей России.

С некоторого отдаления неделя, проведенная в гостях у армейского друга, казалась ему сплошной разухабистой пьянкой. И Федор чувствовал, что он до сих пор нетрезв.

Попутчиков не было. Он снова вышел из остановки. С тракта деревенька казалась вымершим поселением.

– И все-таки приятно сказать: до свидания… – уже без наигрыша прошептал он.

Мимо него проносились легковушки и тяжелые грузовики. Федор присмотрелся и заметил на дальнем повороте рейсовый автобус – серый призрак в предрассветной мгле.

Он купил у водителя билет, прошел на свое место и устроился возле окна. Он незаметно задремал. А когда проснулся, уже светало. Небо за окном было сереньким, цвета табачного дыма. Федор изредка протирал оконное стекло и наблюдал окрестности. Взрезанные перелесками поля чередовались с дремучими лесами. Деревеньки доживали свой долгий век среди заснеженных полей. «Что я вообще делаю? – крутилось в его голове сквозь полудрему. – Обманываю себя. Думаю о том, об этом, о жизни, о будущем. Делаю что-то или не делаю ничего… Конечно же, пытаюсь достойно жить. Считаю, что достоин всего самого достойного. И должен делать только правильные вещи. И все. Это же несложно – делать только правильные вещи. Наверное, это совсем несложно? Но не получается делать только их. Ведь это кто-то решил, что они самые правильные. Но так ли это?.. И нам придумывают важные и правильные дела. Загоняют в колею, чтобы никто не потерялся на перепутье. Нам придумывают жизни и заставляют их прожить».

Он вздрогнул. Возле указателя на аэропорт стоял высокий, мощного сложения человек. Его лицо мелькнуло на мгновение, и за окном снова потянулось белое поле с черными пятнами деревень. Но Федору показалось, что он видел Агата.

За шесть лет Татск изменился не больше других городов за годы передела. По краю привокзальной площади выстроились ряды торговых ларьков. Разношерстная, пестро одетая толпа возле них напоминала разлившуюся в половодье реку.

Федор прошел в здание вокзала. Народ шумел, в толпе неторопливо прогуливались патрульные, возле отопительных батарей грелись бродяги.

Купив билет, он зашел в привокзальное кафе, заказал чай с бутербродами. За стойкой негромко мурлыкал магнитофон. Посетителей было немного, все неторопливо выпивали и закусывали.

– Не помешаю?

За столик подсел пожилой, хорошо одетый мужчина.

– Прошу, компания всегда кстати…

– Федор Семенович, вы уже купили билет? – оборвал его тот. – Честно говоря, я удивлен. Вы до сих пор здесь. А ведь вас предупреждали… Послушайте старика, как можно скорее уезжайте из города. Иначе у вас начнутся неприятности.

– Мы знакомы? – Федор отодвинул чай в сторону.

– Вот и познакомились. Будьте осторожны! Вы помогли другу, сделали свое дело. Нужно было сразу уехать. Нас всех самонадеянность губит. В следующий раз прислушивайтесь к советам. До свидания, Федор Семенович! – он кивнул на прощание.

Федор проводил его взглядом. Было в этом человеке что-то пугающее. Хотя больше всего он напоминал умудренного жизнью терапевта. Но Федор был готов и к таким встречам. Он заставил себя не спеша закончить с завтраком. После чего спустился в почтовое отделение,

взял чистый бланк и задумался, как лучше всего написать телеграмму. После краткого размышления улыбнулся и написал: «еду ситов меркулову жди через неделю целую федор», и оглянулся на очередь возле окна.

В этот момент на входе раздался шум и испуганные крики. В отделение забежал человек в лыжной маске с пистолетом в руке. Федор нырнул под стол. Он сразу понял, что стрелять будут в него. А когда в столешницу впилась одна пуля, а вторая разбила ножку стула, он вскочил, переворачивая стол и целясь сумкой в лицо стрелявшего, и прыгнул за конторку. Уже в полете над барьером его ударило и отбросило на близкую стену.

Он слышал голоса двоих, а сквозь приоткрытые веки видел расплывчатые детали обстановки: беленый потолок, фрагмент капельницы слева и часть окна. Один говорил напористо и раздраженно, второй спокойно противоречил ему.

– Я уверен, что он сможет ответить на вопросы, – говорил первый.

– Вы медик? Вы можете определить реальное состояние больного? – перебил его второй. – Сегодня вы точно не сможете его допросить! Я прослежу за этим. Сейчас даже незначительное усилие может сказаться на нем неблагоприятно.

– То есть, не позволите?

– Ни в коем случае! Следствие подождет!

Вслед за этим хлопнула дверь и в палате наступила звенящая тишина.

– Доктор! – позвал Федор. – Доктор, он ушел?

– Да, – отозвался тот. – Не разговаривайте.

– Кто он?

– Я вас прошу – помолчите! – оборвал его врач, но все же добавил после короткой паузы: – Оперуполномоченный из убойного. Кстати, хороший парень. Когда придете в себя, расскажите ему все как на духу.

Федор снова впал в забытье. Привиделся ему огромный и совершенно пустой вокзал, только вдалеке знакомо и легко щелкали каблучки. Наверное, к нему спешила Лена. По крайней мере, Федор на это надеялся. И вдруг из-за гранитной колонны выскочил расхристанный Антоша Велев в солдатском бушлате на голое тело и, широко размахнувшись, съездил его по уху…

Федор очнулся. От окна падал тусклый свет уличных фонарей, и кто-то возле него стоял.

– Кто ты? – спросил он, но едва расслышал собственный голос.

– Очнулся? Это хорошо, – отозвался тот. – Доктор, просил не тревожить тебя, не будить, – он подошел к кровати. – Здравствуй, Федор!

– Кто ты?

– Я твой друг. Думаю, единственный друг в этих краях.

Краем глаза Федор заметил, как он подошел к двери и щелкнул выключателем. Через мгновение рядом с кроватью скрипнул стул.

– Бог ты мой… – выдохнул он.

– У всего должно быть объяснение. И я доберусь до правды. Для меня твое появление тоже стало сюрпризом. После ранения мне сделали пластическую операцию. Но я не думал, что новое лицо срисовали с реального человека. Его срисовали с тебя, Федор! И срисовали с какой-то целью… – двойник сделал паузу. – Давай знакомиться! Я Ивлиев Сергей Алексеевич. Бизнесмен и политик.

– Как-то мне не особо, – пробормотал Федор, теряя сознание.

Ивлиев нахмурился, нажал кнопку вызова. Дверь тотчас открылась. В палате появился врач, проверил у Федора пульс и дыхание.

– Это нормально для его состояния.

– Я полагаюсь на вас. Что бы ни происходило с ним и вокруг него, сразу звоните мне!

– Разумеется! Я помню ваши пожелания.

Ивлиев вышел в коридор, кивнул охраннику возле двери:

– Смотри хорошенько, Андрей!

– Как за родным отцом, Сергей Алексеевич! – молодцевато отозвался тот.

– Смотри мне, отец родной! – усмехнулся Ивлиев и негромко позвал: – Ян!

Из тени, словно из стены, вышагнул невысокий парень в темном спортивном костюме. Подал ему пальто, сам накинул просторную кожаную куртку.

Через служебный выход они вышли на стоянку. Возле черного «Олдсмобиля»[2] неторопливо прогуливался водитель.

– А ведь я не ошибся, – уже в машине усмехнулся Ивлиев.

– Навыки его выдают, – кивнул Ян.

В зеркальце заднего вида мелькнули цепкие глаза водителя. Сбоку белело сумрачное лицо Яна. Ивлиев улыбнулся своим мыслям.

– В офис? – уточнил водитель.

– Домой, Володя! Хватит на сегодня.

Ивлиев откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Сквозь веки он чувствовал свет уличных фонарей. Машина несколько раз свернула и остановилась.

Заканчивался последний день января девяносто седьмого года. Как только они вышли из машины, щеки прихватило морозцем. И хотя до подъезда было рукой подать, пришлось пробежаться рысцой. Возле дверей лифта Ивлиев едва отдышался, растер голову и рассмеялся:

– Я снова без шапки. Нина меня убьет!

Ян нажал на кнопку вызова и протянул ему спортивную шапочку.

– Вот спасибо, дорогой, – улыбнулся тот. – Сам бог мне тебя послал!

Лифтом они поднялись на девятый этаж. В подъезде царила тишина, только вниз по лестнице бесшумно прыснул большой черный кот. Ивлиев вдруг остановился и отрешенно посмотрел на телохранителя.

– Перекурим это дело, – произнес он невнятно.

Ян прислонился к стене и стал наблюдать за лестницей и за чердачным люком. На этой лестничной площадке была только одна входная дверь, все помещения на этаже купил его хозяин. За год работы Ян привык к его причудам. Впрочем, в свое время он был свидетелем причуд намного страшнее невинных остановок в пути, угрюмой задумчивости и невнятного бормотания Ивлиева.

– Шутки шутить вздумали?! – внезапно процедил тот сквозь зубы, возвращаясь из параллельного мира. – В кошки-мышки решили поиграть? Неймется вам никак, Ефим Павлович?

Через мгновение взгляд у него снова стал осмысленным.

– Вот и хорошо, Ян, – улыбнулся он. – Мы с тобой во всем разберемся.

Ян повернулся лицом к лестнице, за его спиной Ивлиев снимал коды с замков и звенел ключами.

– Фильмец, что ли, посмотреть про восставших мертвецов? – бормотал он. – Напьюсь сегодня. Ей-богу, напьюсь! – пуганул самого себя.

Ян еще не видел его по-настоящему пьяным.

– Спокойной ночи, Сергей Алексеевич, – сказал он, закрывая внутренние запоры.

– Да, конечно! Доброй ночи, Ян!

Ивлиев прошел на кухню, взял из холодильника бутылку пива и устроился в глубоком кресле. «Все идет своим чередом», – неспешно размышлял он. Увидев сегодня Верхошатцева, он понял, что в игру вступила сама судьба. А она всегда лупит в одни ворота. От нее не уйдешь.

---

[2] Олдсмобиль (Oldsmobile) – автомобильный бренд, производство в США с 1897 по 2004 год.

Он услышал легкие шаги в коридоре. Отставил пиво в сторону, левую руку с привычным усилием приподнял и положил на подлокотник.

– Здравствуй, – Нина поцеловала его и потрепала по волосам. – Что случилось?

– Как всегда непонятное. Но об этом мы поговорим завтра. Пока что я сам ничего не понимаю. Я разбудил тебя, любимая?

В этот момент в гостиной ожили старинные куранты.

– Соседи ненавидят нас, – усмехнулась она. – Знаешь, как нас называют?

– Что-то непристойное, вероятно.

– Нас называют москвичами, – она взяла у него бутылку и сделала глоток.

– Неужели из-за часов, – он усадил ее к себе на колени.

– А ты догадливый, – она прижалась к нему щекой. – Я не догадалась. Володя объяснил.

– Я люблю тебя и за это, – прошептал он.

Нина ткнулась лицом ему в грудь. Кажется, она заплакала. Теперь уже он гладил ее по голове. Эхо курантов прокатилось по комнатам, и снова наступила тишина.

Утром Нина застала мужа на кухне. На столике громоздилась батарея пивных бутылок.

– Ты опять не спал?! – возмутилась она.

– Не спится мне, мать, – было заметно, что к утру он опьянел. – Грехи молодости мешают! И кушать очень хочется. Родная, сделай мне яишенку с колбаской!

В этот момент щелкнула входная дверь, в прихожей повозились, и на кухне появился раскрасневшийся Ян.

– Доброе утро! – он поздоровался с хозяевами, скользнул взглядом по пустым бутылкам и взял из холодильника коробку апельсинового сока. – Нина Викторовна, что же вы сами? Я сейчас Алика позову.

– Хоть бы ты на него повлиял, – Нина укоризненно посмотрела на мужа. – Он ведь никому работать не дает. Алика с порога домой развернул. Да-да, и не смотри на меня так! Алик мне уже позвонил.

– Надо же какие мы чувствительные! – усмехнулся Ивлиев. – Я ему выходной дал, и он же на меня донес. А я вот возьму и отниму у него телефон завтра. Ян, ты мужик разумный, ты должен меня понять!

На большой сковороде уже шипел и скворчал бекон. Кухня мгновенно наполнилась аппетитными запахами.

– Сергей Алексеевич, – Ян тактично кашлянул. – Мне деньги не за советы платят, так что я помолчу.

– Ну, началось!

– Скажи просто и без затей, – насмешливо произнесла Нина, колдуя над тарелками.

– Я просто люблю ее, хозяйку мою! – улыбнулся он. – И все что она готовит – тоже люблю безумно. А на кухне какие-то Алики крутятся!

Нина поставила перед ними по тарелке. Ян ел безразлично, так конь сено с овсом пережевывает. Ивлиев же явно упивался едой, в его кружке темнело пиво.

– Он на самом деле так похож на тебя? – неожиданно спросила Нина.

– Да что ж такое-то?! И об этом уже донесли! Вокруг одни враги… Я даже знаю, кто донес.

– Ты же сообразительный.

– Надо бы приструнить этого болтуна, – пробормотал он.

– Он так похож на тебя? – повторила Нина.

– Да. Выглядит немного моложе. Но жизнь его так не трепала, я считаю. И он на самом деле моложе. Спортивный такой парень… Отобьет тебя…

– Ну, конечно, – усмехнулась она. – Тебе бы книжки про любовь писать, как Шекспиру!

Ян допил сок. Аккуратно сложил на подчищенной тарелке вилку с ножом:

– Спасибо, все было очень вкусно! Я приглашу горничную.

– Не беспокойся, Ян, – остановила его Нина. – Я сама уберу.

– Хоть бы раз меня на пробежку взял! – обиженно заявил Ивлиев. – С Федором, наверняка же, будете бегать!

– Вам нельзя, Сергей Алексеевич, – невозмутимо ответил тот. – Если понадоблюсь, я буду у себя.

– Конечно, Ян, – Ивлиев кивнул уже рассеянно. – Отдыхай, у нас сегодня много работы.

Ян вышел в коридор и услышал его приглушенный дверьми голос:

– Хороший парень, но как робот!

В половине десятого утра в палате появился давешний оперуполномоченный.

– Здравствуйте, Федор Семенович! – он сел на стул в изголовье и вытащил из кармана диктофон. – Я Злобин Евгений Михайлович. Уполномоченный отдела по особо тяжким преступлениям по Октябрьскому району. Вот мое удостоверение.

– Здравствуйте, – Федор отстраненно посмотрел на него. – Я неважно себя чувствую.

– Да, выглядите неважно, – кивнул тот. – Но я должен был допросить вас еще вчера. С вами сейчас будут разговаривать много и обстоятельно и следователи прокуратуры, и дознаватели из уголовного розыска. Возможно, оперативные работники иных служб. Итак… Верхошатцев Федор Семенович, семидесятого года рождения, холост. Свердловская область, город Каменск-Уральский, охранник. Прописан в общежитии Уральского алюминиевого завода. Но проживаете у подруги, верно? Начнем с того, как вы оказались в Татске и в области?

– Приехал в гости к армейскому другу. Сейчас нахожусь в отпуске, – ответил Федор.

– Так, – пробормотал Злобин, это обстоятельство наверняка было ему известно. – В какой местности отдыхали?

– В Комше. В деревне под Старгородом. В гостях у Антона Велева, отчество не помню. Вы уже сообщили о случившемся моим родным?

– Конечно. Это сделали не мы. Но это сделали, как только выяснили вашу личность.

«Значит, уже сегодня они заявятся всей бандой, и начнутся слезы и причитания», – сообразил Федор и поморщился. Такая перспектива его совсем не устраивала.

– Вам стало хуже? – спросил Злобин с совершенно неожиданным сомнением в голосе.

– Нет, я чувствую себя превосходно, – съязвил Федор. – Всегда мечтал получить пулю в бок!

– А вот об этом мы поговорим детально и без иронии, – Злобин пододвинул диктофон еще ближе. – Ситуация на самом деле экстраординарная. У нас не каждый день стреляют в людей. Откровенно говоря, для нашего города это чрезвычайное происшествие. Это у вас в Екатеринбурге людей крошат, как на бойне.

– Я понятия не имею, что делается в городе Екатеринбурге! – перебил его Федор. – Я живу в другом городе!

– Да, – кивнул тот. – Этот ваш Каменск-Уральский тоже в первой пятерке по оперативной обстановке в Свердловской области.

– Не я сделал его таким! – огрызнулся Федор. – У меня сложилось впечатление, что вы разговариваете со мной не как с потерпевшим. Не как с жертвой бандитского нападения в вашем, заметьте, городе! Извините, мне трудно говорить…

– Это обстоятельство нам еще предстоит прояснить, – задумчиво произнес Злобин.

– Что?! – возмутился Федор. – Да меня чуть не угробили в вашем замечательном и безопасном Татске! Живого места не осталось.

– Я имею в виду не ваше ранение, – поправился тот. – Откровенно говоря, ваши навыки вызывают вопросы.

– Да какие к черту навыки! – не выдержал Федор. – По-вашему, я должен был под пули лезть?!

– Конечно, нет! Я этого не говорил! Но в ваших действиях очевиден навык. И это ваше поразительное сходство с Ивлиевым. Вы ведь уже встречались с ним?

– Послушайте, – миролюбиво улыбнулся Федор. – Я уже жалею, что нагрубил вам. Извините за грубость. Но и вы должны меня понять, все это какое-то опасное недоразумение. А мое сходство с коммерсантом Ивлиевым для меня является такой же загадкой, как и для вас.

– Говорите, загадка? А вот мне кажется, что подобные загадки на пустом месте не возникают. С этим Ивлиевым давно не все ясно! А вам я вот что советую: все-таки проявите благоразумие и начните сотрудничать со следствием. С нами начните сотрудничать, Федор Семенович! Это ваш единственный выход в сложившихся обстоятельствах!

Федор отвернулся к стене и застонал. Получилось вполне правдоподобно. Он не знал, что происходит за дверью, но в палате тотчас появился врач.

– Евгений Михайлович, заканчивайте! Прошу вас оставить больного в покое!

Тот убрал диктофон и пристально посмотрел на Федора.

– Мы еще встретимся! – пообещал он.

Федор устало закрыл глаза. «Господи, – подумал он. – Это называется – вляпался на ровном месте!» В какую неприятную и крайне нежелательную историю он попал, он понял сразу, как только пришел в сознание. «А ведь это только начало. Очень скоро за дело возьмутся настоящие профи. И вот тогда мне небо с овчинку покажется!»

– Доктор, киллера поймали?

– Насколько я знаю, нет. Кстати, их было двое.

– Двое, – прошептал Федор. – Я так и знал… И кроме меня никто не пострадал?

– Нет, – он взял его запястье. – Вам, молодой человек, крупно повезло. Я служил в Афганистане и могу такое рассказать, что вы не поверите.

«Это вы мне не поверите, – усмехнулся про себя Федор. – А ведь это только начало… Что же мне теперь делать?.. Под Иванушку-дурачка, что ли, закосить, пока окончательно не добили?»

– Однако, не думаю, что в вашем состоянии, будет интересно слушать о боли и страданиях даже других людей, – продолжал говорить тот. – Честно говоря, мне самому не хочется вспоминать об этом. Минут через пять вам принесут завтрак, а потом будут процедуры и перевязка. Так что обязательно подкрепитесь.

После перевязки Федор на несколько минут забылся. По телу медленно растекалась ноющая боль, от которой уже не спасало и обезболивающее. Но через несколько минут он проснулся уже с другим ощущением, глубоко вдохнул и произнес в пустоту:

– Эй, охрана! Заходи, гостем будешь.

Спустя мгновение дверь приоткрылась, и Федор увидел рыжую физиономию.

– Дай закурить!

– Тебе нельзя, – отозвался охранник.

– Ничего не забыл? Я вроде как в почете, – предупредил его Федор. – Под пули за твоего шефа подставился.

– Тебе это надо? – хмыкнул тот.

– Это вопрос другой. Дай уже закурить!

Охранник оказался рослым детиной с разлапистыми, чисто германскими чертами лица.

– Сам-то чего здесь забыл? Родина предков не ждет? – Федор затянулся и поплыл. В его ушах пропел паровозный гудок, а где-то на краю мира треснул винтовочный выстрел.

– А кому я там нужен? – сквозь шум донесся до него голос охранника. – Heimat ist nicht nur ein Ort, Heimat ist ein Gefühl![3]

– Нормально! Типа, всех перестрелять, а дома сжечь! Кстати, Федор!

– Андрей, – они обменялись рукопожатием.

Охранник забрал у него сигарету и открыл форточку. Взгляд у него был спокойный и оценивающий, а движения точными и плавными.

– Лежать скучно, – пожаловался Федор.

В этот момент в дверях появилась высокая женщина в длинном меховом пальто. Вслед за ней шел Ивлиев. Он погрозил охраннику. И уже за ним в палату зашел врач и тотчас принялся принюхиваться.

– Зачем вы открыли форточку? – спросил он охранника.

Тот показал глазами на Федора и вышел в коридор.

– Здравствуйте, – улыбнулась женщина. – Как вы себя чувствуете, Федор?

– Это моя жена – Нина, – предупредил его Ивлиев.

Федор ухмыльнулся про себя – чисто семейная сцена: удачливый брат с женой-красавицей пришли навестить подстреленного шалопая-брательника. Как в сериале на НТВ.

– Поразительное сходство, – Нина села в изголовье.

– Однояйцовые близнецы, – скромно улыбнулся он.

Ивлиев ободряюще похлопал его по ноге, и Федор ощутил братскую заботу. «Ничего, – даже со злорадством подумал он. – Скоро появится мать семейства».

– К тебе приходил Злобин? – Ивлиев подошел к окну и закрыл форточку.

– Да. Обещал, что мы еще встретимся, – пожаловался Федор. – Похоже, он тебя недолюбливает.

В ответ Ивлиев хмыкнул:

– Под Старгородом живут твои друзья. Можно привезти их для компании.

– Нет, я не хочу расстраивать Антона, – Федор отчетливо представил, как в палату вваливается Велев, начинает хлестать самогон и вспоминать нехорошими словами тещу.

– После обеда приедут твои близкие, – улыбнулась Нина. – Надеюсь, их ты хочешь увидеть.

– Вы не представляете, что здесь начнется.

– Сережа, я могу поговорить с Федором наедине? – Нина села на стул возле кровати.

– Конечно, – после короткого размышления кивнул тот. – Доктор, нам тоже нужно потолковать с глазу на глаз.

Когда они вышли, Нина склонилась над Федором:

– Я не верю в совпадения.

– Я тоже.

– Сережа будет лгать, хотя он не любит обманывать меня. Но он будет лгать, я это знаю. Ответь мне только на один вопрос: ты его двойник? Ему угрожает опасность?

– Господи, – простонал Федор. – Если бы я знал, что здесь происходит! Но я сам ничего не понимаю!

– Это правда?

– Да! Я не лгу вам, Нина.

– Хорошо, я тебе верю, – кивнула она. – И давай перейдем на «ты», – она неожиданно склонилась над ним еще ниже и прошептала: – Ты очень похож на него. Но ты не он. Кто же ты, Федор?

[3] Родина – это не только место, Родина – это чувство (пер. с нем.).

В палату родственники ввалились так, словно небо обрушилось на землю. Без того небольшая комната сжалась до размеров телефонной будки. И поддатый Александр Эрихович, новый мамин муж, буквально вытолкал в шею разоравшегося врача, потрепал Федора по волосам и о чем-то долго толковал в дверях с охранником. Они часто смеялись и перемежали немецкую речь русскими словами. Если бы Федор не знал обоих, он бы решил, что это отец и сын, еще не вошедший в мужскую стать, потому что папа у него здоровенный, как бык. Под ногами у них путался Антон, младший брат Федора. Похоже, за последний год он наловчился шпрехать и их слитную русско-немецкую тарабарщину понимал. А Лена с матерью после короткого перемирия вновь преисполнились друг к другу неприязни.

И все же Федор едва не расплакался, увидев родных. В этом чужом северном городе с их приездом стало немного теплее.

– Как же это, сыночка?! – с ходу в голос запричитала мать.

– Перестаньте, мама! – перебила ее Лена. – Ему и так плохо, – и спросила нежным бархатным голоском: – Федя, как ты себя чувствуешь?

– Мне невыносимо одиноко!

– Да как же это так получилось?! – вскинулась было мать.

– А я тебя предупреждала: без меня ездить по гостям не нужно, – проворковала Лена. – Но ничего, скоро все заживет. Правда?

Убедившись, что разговора с сыном не получится, мать принялась шуршать пакетами и сыпать в пространство многословные тирады. А Александр Эрихович, досконально выяснив обстановку, приволок из коридора лавку и устроился возле окна. Время от времени в палату заглядывал Андрей и в какой-то момент передал ему пакет. Александр Эрихович выставил на тумбочку бутылку водки и горячие пирожки.

– Федя, ты как? – прогудел он густым басом.

– Нет, пока здоровье не позволяет, – отказался тот, краем глаза наблюдая за Леной. При виде бутылки лицо у нее стало остреньким и хищным.

– И то верно, – кивнул он, – не последний день живем. Поправляйся, Федя!

Но не успел он поднять стакан, как в палате появились врач с Ивлиевым. Увидев на тумбочке живописный натюрморт из бутылки водки и пирожков, врач онемел. Остальные, кроме привычных Андрея и Федора, потеряли дар речи, увидев политика и бизнесмена Ивлиева. На незнакомых с обстановкой людей картина новоявленных близнецов действовала безотказно. Отчим шепотом выругался. Антон стоял рядом с ним и изумленно лупал круглыми глазами. Взгляд у мамы плавно переходил с Ивлиева на сына, сказать ей было нечего. Только Лена восприняла щекотливую ситуацию так, словно ожидала увидеть что-то подобное.

Ивлиев сдержанно поздоровался, поцеловал женщин, с мужчинами обменялся рукопожатием.

Первым из оцепенения вышел врач.

– Ну, знаете ли! – он возмущенно посмотрел на бутылку. – Здесь вам не кабак!

– Ну вот что! – пробасил Александр Эрихович. – Я тоже кое-чего не понимаю, но в бутылку из-за этого не лезу!

– Это вы мне?! – возмутился врач.

– Довольно! – оборвал обоих Ивлиев.

– Это неслыханно! – напоследок буркнул тот, но из палаты все-таки вышел.

– Извините! – пискнула вконец ошалевшая мать.

– Да, вы уж извините нас, – Александр Эрихович наконец выпил. – Но мы на самом деле что-то пропустили, – весь его вид говорил о том, что больше всех пропустил именно он. – Получается, Федор из-за вас подставился?

– Для меня это такой же, если не больший сюрприз, – кивнул Ивлиев и выдал легенду: – Я – сирота. Родители погибли, когда был ребенком. Воспитала меня бабушка. Вероятно, есть

дальние родственники, но я о них ничего не знаю. И вдруг такая неожиданная встреча! Сама по себе ситуация не из приятных. Федор серьезно ранен. Но тем не менее!

– К чему это, Сергей? – пробормотал Федор.

Он прекрасно понимал, что о пластической операции Ивлиева нужно помалкивать. Но уж больно беззастенчиво врал бизнесмен и политик.

– Господи! – воскликнула мать, не слушая уже ни того, ни другого. – Вы похожи, как родные братья!

– Да, – снова кивнул Ивлиев. – Видит бог, я сам ничего не понимаю! Видимо, придется принять это как должное. По крайней мере, для меня это неожиданное и приятное событие. А сейчас я хочу пригласить вас в гости и познакомить с супругой! Отметим нашу встречу! А молодых оставим наедине! – Против его предложения никто не возражал. – Федор, мы уезжаем! Твоей девушке поставят кровать, к вечеру привезут телевизор и музыкальный центр. С главврачом я обо всем договорился. Не скучайте!

Они с шумом собрались, с шумом попрощались и вышли из палаты.

– Все так странно, – тихо произнесла Лена. – Иногда мне кажется, что смотрю кино.

– Не то слово, – кивнул Федор. – Фильм ужасов!

Вскоре принесли еще одну кровать, моноблок и коробку видеокассет. День прошел незаметно, так же незаметно иссяк вечер. А утром, чуть свет, в палате появился Сергей Алексеевич. Для порядка сурово отчитал задремавшего охранника. С Леной поздоровался с таким видом, что она предпочла выйти в коридор. Он старался выглядеть молодцом, но едва открыл рот, стало понятно до какой степени он все еще пьян.

– Ты уж меня прости, что так получилось! – с чувством произнес он.

– Нормально все, – ухмыльнулся Федор. – Дерьмо случается.

– А мы ведь с тобой земляки! Может быть, это все объясняет? Но не будем ломать голову. Пока что не будем Я тебе обещаю, я во всем разберусь… О чем это я? – он задумчиво посмотрел в окно. – Ага! Я ведь тоже с Урала! И эта земля мне обрыдла!.. Наша вздыбленная родина и вечно хмурое небо, по ним я скучаю. Россия, – тихо добавил он. – Россия чересчур большая. В России все чересчур. Трудно ее любить всю разом. И где она Россия? Мы ее уже потеряли.

– Просто вернись домой. Станет легче, – посоветовал Федор.

– Не могу. Пока что я не могу этого сделать… А я ведь про тебя все знаю.

– Я сам про себя всего не знаю, – усмехнулся Федор.

– Вот это вот, – он обвел пальцем свое лицо. – Тут только два объяснения: или я за тебя, или ты за меня. Но что-то пошло не так, и мы оба живы. И сейчас ты нужен мне для дела.

Он вплотную придвинулся к Федору, и тот увидел перед собой совсем другого человека. Не был Ивлиев ни бизнесменом, ни политиком.

– Я мониторю ситуацию. Пока никакой реакции. Мой куратор молчит. Наверняка ходы считает, как обычно. Что делает твой куратор, не знаю, я с ним не знаком. Сейчас ты должен найти выход из этой ситуации. Не спеши с выводами. Деваться тебе все равно некуда. Осмотрись. Мы не такие уж разные, – он снова обвел пальцем свое лицо. – А для затравки расскажу свою историю, – и сказал негромко: – Ян, пригласи Лену.

– Лена, – Федор взял ее за руку, – мне нужно поговорить с Сергеем Алексеевичем. Тебя отвезут в гости, познакомишься с его супругой.

– Хорошо, – прохладно улыбнулась она.

– Лена, нам на самом деле нужно поговорить, – кивнул Ивлиев. – Не в коридоре же тебе сидеть.

– Да ради бога, разговаривайте!

Она оделась и вышла из палаты. Вслед за ней вышел Ян.

Ивлиев подошел к окну и закурил. Сейчас он уже не выглядел пьяным. Он расставил правильные акценты и готов был развивать отношения.

Ивлиев рассказывал о своей жизни, и Федор понимал, что видит перед собой самонадеянного и даже тщеславного человека. Если бы он был сейчас здоров, а не страдал от ранений, – это была бы совсем другая история. И Федор сказал ему об этом.

– Сам знаешь, если бы да кабы, – усмехнулся тот.

– Как тебя зовут на самом деле?

– Мое имя ни о чем не скажет.

– Если бы да кабы, – в тон ему усмехнулся Федор.

– Говорухин Михаил Александрович. Слышал о таком?

– Нет. И профиль у меня другой. К таким историям отношение не имею, людей не подставляю и не убиваю. Сбор информации, если потребуется – дезинформация, перевалочные базы, экстренная помощь. Но выбора у меня все равно нет. Как и у тебя его нет, верно? Мы можем только гадать, для чего оказались в нужном месте и в нужное время. Ведь так?

– Да. Но теперь за деревьями виден лес.

3. Нина

Особенной красотой она не отличалась, но всегда привлекала внимание. Время в ее обществе проходило незаметно. Хотя дело, конечно же, не в этом. Иногда невозможно объяснить, почему одних любят, а других нет. Она была довольно высокого роста, статная и стройная женщина. В отличие от чеканной красоты безупречных красавиц, у Нины было вполне земное лицо, выдававшее в ней ум и чувственную натуру. У нее были темно-русые волосы, тяжелые и густые, и темные выразительные глаза.

В жизни ей все удавалось очень легко: учеба, любовь, дети. Но только до тех пор, пока ее счастливая звезда не закатилась.

Нине было лет семь-восемь, когда ее еще незрелый ум был очарован опереточным блеском телевизионных фильмов и спектаклей. Она представляла себя актрисой и портила родительский гардероб. Влетало ей за это по первое число: за порванные шторы, изрезанные сорочки, испорченную косметику. Родители мучились с ней как с трудным, совершенно неуправляемым ребенком. Так прошло два года. И к десяти годам на нее подействовал метод кнута и пряника. Своими мечтами она не делилась больше ни с кем, и собой становилась только в одиночестве. За два года она превратилась в хитрую, сообразительную, не внушающую доверия бестию. Но только так и куется настоящий характер. До шестого класса она училась из рук вон плохо, только что по два года в одном классе не оставалась. К тому времени ее родители уже отчаялись, даже они не смогли разглядеть в этом гадком утенке своеобразного и во многом замечательного человека. Хотя, как и многие родители, не были лишены беспочвенных иллюзий насчет своего чада.

Но неожиданно в лето на тринадцатом году жизни Нина изменилась на глазах. Из начавшей прыщаветь девочки-подростка она вдруг превратилась в привлекательную и целеустремленную девушку. Она взялась за учебу, и вскоре оценки ниже четверки стали такой редкостью, что и сами четверки уже бросались в глаза. Незаметно она выдвинулась в число первых учеников, вслед за этим у нее появилась общественная нагрузка, и начали складываться личные отношения с людьми старше и опытнее ее.

Время незаметно гранило человека, не скрывавшего своих меркантильных интересов и желания жить в достатке. Хотя мещанкой она никогда не была. И родители снова перестали ее понимать. Поступив в университет, она решила полностью избавиться от их опеки и вышла замуж.

Произошло это в конце февраля восемьдесят четвертого года, спустя месяц после ее восемнадцатилетия. Ее суженым стал веселый, симпатичный паренек, факультетский фарцовщик Боря Лапин, Лапушка, как называли его друзья. Науки и наука-биология, в частности, как будущая его специальность, Борю интересовали мало, интересовали только в виде отметок в зачетке, которых он добивался только ему известными способами. В основном же Боря мотался по стране от портов Приморья до портов Прибалтики. На татской барахолке он вел темные дела с торгашами из Средней Азии. А среди студенческой братии приторговывал дорогими видеокассетами с американскими боевиками и американским же шмотьем. Это был хлопотливый денежный мешок, уже попавший под наблюдение компетентных органов.

Разумеется, родители Нины, узнав о бурной деятельности будущего зятя, воспротивились браку единственной дочери со спекулянтом. Но она и вышла за него замуж, чтобы покинуть родительское гнездо. Жили молодые в двухкомнатной кооперативной квартире. В конце первого курса Лапушка всеми правдами и неправдами перевелся в институт народного хозяйства, и публика в их квартире стала разнообразней. Появились среди гостей серьезные молодые люди: будущие директора и управляющие, будущие руководители предприятий и министры. На пикниках и в турпоходах, отдыхая в крымских пансионатах, на заре перемен, на заре

восемьдесят пятого года, они строили планы и перекраивали географические карты, как это принято у молодых людей всех времен и народов, еще не догадываясь, что большинство их фантазий станет реальностью.

Между тем жизнь шла своим чередом. К восемьдесят седьмому году Нина уже нянчилась с малышами-погодками, Аней и Павликом. Сначала она взяла академический отпуск, но через год уже восстановилась на заочном отделении, рассудив, что ближе к тридцати будет не до учебы. Лапушка тоже изменил отношение к высшему образованию. Прилежно посещал лекции, успешно сдавал сессии, стал серьезным и рассудительным, говорил неторопливо и говорил очень умные вещи. Через Нину он сошелся с комсомольскими функционерами из городской администрации, а эти люди уже имели реальную власть и право слова в сферах ему недоступных. Вскоре под эгидой молодежного сектора областного комитета ВЛКСМ он и сотоварищи открыли кафетерий на правах кооператива. Еще через полгода, через тот же молодежный сектор приобрели видеомагнитофоны, цветные телевизоры и игровые автоматы. Дело расширялось.

К восемьдесят восьмому году на Лапушку обратили внимание люди, наделенные властью, и те, кто в то время находился в тени, но уже с капиталами и немеряным аппетитом. И тем, и другим он был понятен, молодой проныра, который с трибуны ли, или с экрана телевизора, страстно ратовал за хозрасчет, самоокупаемость и демократические перемены в обществе. Отличный образец перевертышей, говоривший на одном языке с партийными боссами и уголовными авторитетами, с хозяйственниками и коммерсантами. Предсказуемый парень, делающий большие деньги.

Это тоже талант – превращать в золото все, к чему прикасаешься. Лапин скупал партии краденых продуктов из воинских частей и снабжал ими сеть кафетериев по всей области. На ликеро-водочном заводе купил технологическую линию, замененную линией по производству фруктового сока. По смехотворной цене арендовал складские помещения в одном из совхозов под Татском и свозил туда бесхозное, брошенное оборудование. К переломному в истории России девяностому году он уже стал дипломированным специалистом, вконец заворовавшимся делягой, потерявшим остатки совести. Ради денег он был готов на все.

К тому времени Нина тоже получила диплом. Но, в отличие от супруга, она безнадежно отстала от жизни. А Россия бурлила, Россия вновь помолодела на тысячу лет. И государство вновь пожирало своих детей.

Отгремел август девяносто первого года, распался союз советских республик, и деньги хлынули в руки тех, кто успел пристроиться к пирогу. Деньги хлынули в их руки, как жидкое дерьмо. Не было им числа, и началась давка за место под солнцем. Те, кто замешкался, кому не полагалось по чину, столпились у высокого крыльца с крепко сжатыми кулаками, они знали за что бьются, и им бросили еще одну кость – приватизацию.

К этому времени Лапушку уже тошнило от денег. И он убедил себя в том, что работал чересчур много и теперь имеет полное право как следует отдохнуть. На семье невинное желание уставшего мужчины отразилось пагубно. Чем приятней ему отдыхалось с водкой и девками, тем стремительней разваливались отношения с супругой. Любовь детей он покупал сладостями и побрякушками. А с женой сначала дошло до побоев, а позже и до развода.

Стройный демагог и фарцовщик незаметно превратился в обрюзгшего неопрятного мужчину, внешности которого уже не помогали ни стильная одежда, ни дорогая косметика.

Развод прошел тихо. Все имущество Лапушка оформлял на родственников и компаньонов. Даже первая квартира была оформлена на мать. Формально оба супруга являлись неимущими. Но у Лапушки были адвокаты, а у Нины не было ничего. И она, как субъект, не имеющий постоянной работы и возможности обеспечить двух иждивенцев, была лишена на детей каких-либо прав и притязаний. А Лапушка даже не пытался разрешить дело полюбовно. В него словно бес вселился.

После развода Нина переехала к матери, отец к этому времени уже умер. Она устроилась на работу в среднюю школу учителем биологии и впала в ступор. В високосный девяносто второй год, когда ей исполнилось двадцать шесть лет, Лапушка ни семьи ее лишил – он из нее душу вынул.

Вскоре Лапин женился во второй раз. Его новая жена – бледная, невысокая блондинка – в дела мужа не совалась, не перечила ему, ублажала. С приемными детьми была ласкова и не теряла надежду завести своих. После оказалось, что совместная жизнь с Лапушкой ее не испортила. Она так и осталась тихим и добрым человеком. А вот дети распустились, воспитание на них совершенно не действовало. Это были хитрые, сообразительные, зажравшиеся бестии, которые не давали жизни воспитателям, учителям и охранникам. Мать они не видели годами и наверняка забыли бы ее вовсе, если бы не скоротечные предутренние сновидения. Жизнь у многих крадет счастье с раннего детства, оставив вместо души колючий осколок, в котором тесно и тому малому, что принято называть «я».

Между тем Нина медленно теряла себя. От молодой, насмешливой и чувственной женщины осталась стареющая, неопрятная баба со всеми признаками депрессивного синдрома и раннего маразма. Она то оживлялась и впадала в суетливую деловитость, то превращалась в злобного, загнанного в угол зверя.

Спустя два года из школы ее уволили за прогулы. Она еще работала уборщицей, работала токарем на заводе, работала посудомойщицей. Единственного несчастья избежала она в своем положении – не опустилась до пьянства, лишающего человека последнего достоинства. Дошло бы и до этого – по наклонной она катилась стремительно. Но в марте девяносто шестого года, когда она работала уборщицей во дворце культуры, Нина познакомилась с Ивлиевым.

В то время в Татске проходила конференция одной из столичных политических партий, которую устроили поближе к краю земли русской. Делегаты подобрались один к одному энергичные и велеречивые. В малом зале три дня подряд устраивали банкеты. Где ни попадя курили и выпивали.

Нина равнодушно смотрела на заезжих господ, ее раздражала только их неряшливость. В последний день конференции, убираясь в кабинетах на третьем этаже, она в буквальном смысле столкнулась с будущим мужем. Ее ведро с водой едва не опрокинулось, а из его рук выпала папка с бумагами, и документы рассыпались по полу.

– Ох, мать моя! – рассмеялся он.

– Осторожней надо, – буркнула она и присела, чтобы собрать бумаги.

Из полутемной ниши вышагнул невысокий, светловолосый паренек в спортивном костюме. От неожиданности Нина вздрогнула и испуганно посмотрела на них. Именно в этот момент между ней и Ивлиевым пробежала искра. От сердца к сердцу.

– Не пугайся, маленькая, – сказал он, взяв ее за руку.

И еще она заметила, что левая рука у него висит плетью, и дышит он с затруднением.

– Вы уж меня извините, – улыбнулась она.

– Не стоит. Это мусор… Как тебя зовут?

Был ясный мартовский вечер. Пронзительный весенний вечер, когда тепло накатывает волнами с площадей и улиц, и пламенеют небеса на закате.

Чудом казалось ей обрести хотя бы часть из того, что было потеряно. Но за эти годы Нина изменилась так сильно, что прошли долгие месяцы, прежде чем неуверенность, забывчивость и переменчивое настроение уступили место веселому нраву, а угрюмость сменилась спокойствием уважающего себя человека.

– Почему я? – иногда спрашивала она мужа. – Неужели мы встречались раньше?

– Конечно, – лгал он в ответ.

Не любовь притянула его к ней. В замордованной замухрышке он увидел свое отражение.

Вскоре она вышла за него замуж. Свадьба прошла в узком кругу. Тихо плакала от счастья мама, голова у нее стала совсем белой.

Незаметно и без затей закончился девяносто шестой год. Наступил хмельной и веселый год девяносто седьмой. И с первых же чисел января Нина почувствовала, что в их жизни что-то неуловимо изменилось. Сергей словно ушел в себя. А в конце месяца стреляли в его двойника. История с ним оказалась уже такой запутанной, что вскоре Нина бросила попытки разобраться в ней.

Но был еще один знак, еще до появления Федора. И много позже Нина соотнесла его с чередой странных событий того года. Девятого января после обеда в их дверь позвонили. Ян несколько мгновений разглядывал гостя на мониторе видеонаблюдения, потом ушел в кабинет. Нина услышала его бесцветный голос:

– Сергей Алексеевич, вы ждали его.

– Замечательно, – после короткой паузы отозвался Сергей.

Нина осторожно приоткрыла дверь, чтобы видеть коридор. В этот момент куранты гулко ударили. От неожиданности она вздрогнула и увидела гостя. Им оказался невысокий мужчина лет пятидесяти пяти. Он скользнул по обстановке спокойным взглядом, заметил Нину, доброжелательно улыбнулся ей и кивнул в знак приветствия.

Сергей ждал его возле кабинета, через мгновение послышался его радушный возглас:

– Здравствуйте, Ефим Павлович!

– Здравствуйте, рад видеть вас в добром здравии!

– Господь с вами, Ефим Павлович, какое уж тут здоровье?

Спустя мгновение их голоса стихли. Еще через минуту Нина выглянула из гостиной, увидела возле кабинета Яна и вернулась к чтению журнала. Еще через час с небольшим дверь кабинета распахнулась.

– Нам больше не о чем разговаривать. Давайте возьмем тайм-аут, Ефим Павлович!

– Вы разрушаете хорошо отлаженную и нужную структуру.

– Ничего страшного – переформатируете! Вы же любите такие комбинации.

– Вы понимаете, что вам не позволят довести дело до конца?

Они появились в коридоре и неторопливо двинулись в прихожую.

– Я на это даже не рассчитываю.

– Мы топчемся на месте в этом вопросе. Проявите наконец гибкость. У вас есть общие финансовые интересы. В известной степени, вы партнеры.

– И меня тошнит от этого!

– В остальном придерживайтесь обговоренной схемы. До свидания!

– До скорой встречи, Ефим Павлович! Ян, проводи дорогого гостя.

Нина видела, как тот покачал головой и проследовал за провожатым. А Сережа выглядел так, словно все еще спорил, потом заметил ее и улыбнулся ободряюще.

4. Экзекуция

– Пора нам домой, – Федор провел ладонью по теплому березовому стволу.

– Мы все вернемся домой, – угрюмо процедил Ивлиев. – Жаль, Качалов не дожил. Не встретились два философа…

Но Федор его уже не слышал. Он с наслаждением вдыхал пряный весенний воздух. Вокруг радостно звенела многоголосая жизнь: среди голых ветвей щелкали пичуги, на полянах переговаривались северные во́роны, дятлы перестукивались в глубине леса. Земля под ногами была пропитана талой водой.

– Комша рядом. Можно заехать… Какие все-таки убогие места: гарнизоны и зоны, леса и поля! Вся Россия…

Словно издалека долетел до него голос Ивлиева.

– Да, здесь ловить нечего, – усмехнулся Федор.

– А домой я тебя не отпущу, – добавил тот. – Пока все не закончится.

Он с утра был погружен в себя, изредка выныривая на поверхность.

– Что именно?

– Пока не оборву все, что нас связывает.

– Любопытно, – пробормотал Федор. – Решил всех переиграть?

Он оторвал от ствола ленточку бересты, ветер тут же подхватил ее и унес с поляны.

– У них свои планы, а у меня свои. Все просто: уйду в тень, поправлю здоровье, решу дела. И все будут счастливы.

– Самонадеянно, – усмехнулся Федор. – Решил обмануть систему?

– Нет, я хочу ее обвалить. А еще я хочу прикончить упыря, который мою жизнь превратил в этот поганый цирк!

– Ты зациклился на нем. Это уже можно называть отношениями.

– Очень смешно! Пора поставить точку в этой истории.

– Ты выжил, радуйся жизни. Я вот радуюсь. Каждый день радуюсь.

– Ты прикидываешься, и мы с тобой это знаем. Ты прикидываешься кем-то другим. Потому что тебе выбора не оставили.

– У меня его не было. И не нужен он мне. И тебе он тоже не нужен.

– С нами играют, Федор, – Ивлиев закурил. – Но я не понимаю смысл этой игры. И кто-то постоянно путает карты.

– Нет никакой игры. Тебе судьба дала второй шанс: новая жизнь, любимая женщина. Что тебе еще нужно? А этот маньяк сам себя похоронит. Такие долго не живут… Но ты ведь все уже решил. И на попятную не пойдешь.

– Нет, не пойду. Пора освободиться от этого морока.

– На его место придет такой же, другие там даром не нужны. А Нина тебя потеряет. И мы тебя потеряем. Забудь и живи дальше! Жизнь все по своим местам расставит.

– Да, ничего она не расставит! – Ивлиев бросил окурок в лужицу. – Ян, едем домой!

Телохранитель бесшумно появился среди берез.

– Не задерживайся, – бросил Ивлиев через плечо.

Федор проводил их взглядом. Он никогда не планировал и не загадывал на будущее, и на удачу тоже не полагался, и одним днем тоже не жил. Невозможно учесть все нюансы, иногда какая-то мелочь меняет события так, что задуманное рассыпается словно карточный домик.

– Но мертвым уже не поможешь, – прошептал он и тоже пошел к дороге.

Вернувшись домой, Ивлиев закрылся в кабинете и не выходил оттуда в течение двух часов. Федор с женщинами играл в карты. Ян в своей комнате избивал грушу.

– Вы за дурака меня держите?! – наконец возмутился Федор. – Вы же специально меня валите! Сговорились?

Нина прыснула:

– Федя, мы в подкидного дурачка играем! В него так и играют, это тебе не покер.

Лена ласково улыбнулась и подвинула к нему отбой:

– Что за паранойя, милый?

– Вот оно что? – притворно улыбнулся он. – Теперь это так называется? Паранойя. Так и запишем. А с каждой из вас я сыграю один на один!

– Так только в шахматы играют.

– Федор, – улыбнулась Нина. – А что, если тебя на американский манер называть? Мистер Эф!

– Нет! – рассмеялась Лена. – Лучше по-китайски! Господин Фэ, пожалуйте к обеду!

– Издеваетесь, да? – усмехнулся он. – Потому что вас в лес не взяли?

– Вы еще и в лес ездили?! – возмутилась Лена.

В этот момент из прихожей донеслась трель дверного звонка.

Ян внимательно изучил гостя на мониторе видеонаблюдения и нажал на кнопку переговорного устройства:

– Что вам нужно?

– Я хочу встретиться с Ивлиевым Сергеем Алексеевичем, – с расстановкой произнес тот.

– Как о вас доложить?

– Скажите, что приехал Лосик. Сергей Алексеевич меня хорошо знает.

Ян постучал в дверь хозяйского кабинета:

– Сергей Алексеевич!

– Да?! – раздраженно отозвался тот. – Я же распорядился, до вечера не беспокоить! Что случилось?!

– К вам посетитель. Назвался Лосиком. Вы предупреждали о нем.

Было хорошо слышно, как в кабинете упало кресло. Еще через мгновение дверь открылась.

– Зови немедленно!

Федора в очередной раз оставили в дураках. Он смешал карты и под хохот соперниц ушел курить. В коридоре столкнулся с Яном и незнакомым пареньком. Увидев его, тот радостно улыбнулся и протянул для пожатия руку, но спустя мгновение его улыбка погасла, а взгляд ожесточился.

– Рад знакомству! – Федор пожал ему руку. – Брат Сергея Алексеевича! Почти что…

Ян неопределенно хмыкнул и предложил гостю следовать за ним. Паренек еще раз оглянулся на Федора.

– Лосик! – Ивлиев обнял его. – Наконец-то!

Ян вышел в коридор и застыл возле дверей. Через минуту мимо него прошли Федор с Леной. Федор нес в руках по три бутылки пива.

– Все равно я вас накажу! – приговаривал он. – Накажу и покажу вам кузькину мать! Ибо это возмутительно!

Ян прислонился к стене. Со стороны казалось, что он разглядывает затейливый декор панелей. Но в этот момент он был свободен от мыслей, только где-то на грани предощущений крутился древний парафраз о танце, рвущем сердце на части. В какой-то момент по его губам скользнула улыбка, он вспомнил слова Чжуан Чжоу[4]: «Когда мысль поймана, о словах забывают. Где бы мне найти человека, забывшего слова, и поговорить с ним?»

[4] Чжуан Чжоу (Чжуан Цзы) – древнекитайский мыслитель, поэт, алхимик.

Тем временем Ивлиев налил в бокалы коньяк.

– Все готово, – сказал Лосик, принимая спиртное. – Приехал, как договаривались.

– Спасибо, дорогой, спасибо! Если бы ты знал, как я рад тебя видеть.

Лосик отхлебнул из бокала:

– Лиза тебе привет передает. И Миша тебе привет передает.

Ивлиев улыбнулся и похлопал его по плечу:

– Тебе повезло с женой. Цени это.

– Они – все, что у меня есть, – кивнул Лосик.

И хозяин кабинета внезапно подумал о том, что и Химик, и Лосик, и Лизавета болезненно не соответствуют своему возрасту. Словно за одну жизнь они успели прожить две человеческие жизни.

– Как дела у Химика?

– Процветает.

– Да, у него большое будущее. Если не сколется и не сопьется.

– Вот документы, которые он передал, – Лосик протянул ему несколько дискет и флешку. – Флешка от нашего общего знакомого. Я вечером уезжаю! Билет уже на руках!

– Спасибо, дорогой, – Ивлиев все убрал в сейф. – Досадно, конечно! Погости немного.

– Нет, дома дел много. Не могу.

– Жаль… Ян, распорядись насчет закусок!

Лосик встал с кресла и подошел к книжному шкафу, сказать ему было нечего. Ивлиев тоже поднялся с кресла и неторопливо прошелся по кабинету. Постепенно его волнение улеглось, только в глазах поблескивали осколки торжества.

– Отлично! – приговаривал он. – Добрые вести!

– Кто он? – спросил Лосик.

– Ты о Федоре?

В этот момент в дверь постучали. Ян вкатил в кабинет сервировочную тележку с закусками и металлическими судками.

– Давай перекусим! А Федор – одно из звеньев цепи. Одно из многих звеньев.

– Дорогое удовольствие, – задумчиво произнес Лосик, оторвавшись от созерцания золотого тиснения книжных корешков.

– О чем ты?

– О двойнике.

– Все с точностью до наоборот, – усмехнулся Ивлиев. – Но хватит об этом! Давай выпьем!

Они плотно закусили и откинулись в креслах. Ивлиев протянул гостю сигару.

– Хорошо, – сказал он спустя минуту. – Так много хорошего вспоминается, когда встретишь друга!

– Миша, – Лосик назвал его настоящим именем. – Зачем ты все усложняешь?

– Если я не поставлю точку, значит, все было напрасно. Он уже попал в капкан. Из него старому лису не выбраться.

К вечеру они опьянели. На несколько раз обговорили последующие действия и все возможные осложнения. За час до поезда Ивлиев вызвал машину.

Начинался ясный весенний вечер. Воздух был совершенно отравлен городом. Небо на западе заволокло маревом, и солнце кануло в матовой дымке.

Они вышли на перрон. Остановились возле какой-то будки со стенами в облупившейся краске.

– Может, все-таки на машине уедешь? – в который уже раз спросил Лосика Ивлиев. – Смотри какой у меня водила! Орел!

– Нет, на машине не поеду, – снова отказался тот.

– Дело хозяйское, – Ивлиев беспрестанно курил и сплевывал на землю. Он чувствовал себя пьяным и счастливым.

Подошел поезд.

Они обнялись на прощание.

– Счастливого пути! – он похлопал Лосика по спине. – Кланяйся от меня всем! Себя береги!

А тот пожал на прощание руку, подхватил сумки и пакеты с подарками, предъявил проводнице билет. Спустя несколько минут посадка закончилась. Тепловоз дал сигнал, и состав содрогнулся от первого такта машины. Поезд медленно тронулся и покатил по блестящим рельсам. Лосик стоял в тамбуре, прижавшись лбом к стеклу. Ивлиев шел рядом с ним, потом резко остановился и махнул рукой на прощание. Вагоны с грохотом слились в серую ленту, и состав резко оборвался.

Он долго смотрел на сияющие огни семафоров. Глаза у него вдруг заслезились, и он натужно моргнул. Вокруг ходили люди. С грохотом промчалась маневровая машина. Он вдохнул полной грудью.

– Вот и все, конец истории, – сказал Яну таким тоном словно разговаривал с кошкой.

На мониторе сверкал праздничный, приукрашенный японской оптикой день. Камера в руках оператора иногда чувствительно подрагивала. Снимали из салона автомобиля. Держались на расстоянии за серебристым «Фордом». Минуты через три «Форд» сделал очередную остановку, и машина с наблюдателями припарковалась метрах в пятнадцати от него.

– Витёк, – раздался хрипловатый голос. – Пивка купи! Время есть.

– «Балтику» или «Афанасия»?

– Пиво купи!..

– Очень профессионально, – пробормотал Ивлиев.

– Конечно, профессионально, – усмехнулся Химик. – Не засветились. Видосики, телефонные разговоры, переговоры… Что не так?

Из «Форда» выбралась проститутка. Небрежно бросила через плечо несколько слов попутчикам и рассмеялась, победно оглядывая улицу. Из окошка показалась мужская рука и шлепнула ее по заду. Та снова нагнулась к дверце и засмеялась. Изображение качнулось. Видимо, вернулся с пивом Витёк. Щелкнула дверца. Через несколько секунд «Форд» мигнул стоп-сигналами, и машина преследователей тоже выехала на проезжую часть.

– Не торопись, – бубнил оператор. – Следи за дистанцией.

Минут семь они держались за «Фордом» на приличном расстоянии.

– Едем в сторону лесопарка. Сворачиваем в массив, – комментировал оператор. – Осторожней! Медленней… Все, стой!

Машина остановилась, и картинка тут же сменилась. «Форд» стоял на узкой дорожке неподалеку от «пятнашки»[5] черного цвета. Из нее вышел высокий темноволосый человек и сел в иномарку.

– Неплохо бы узнать, о чем именно говорят? – пробормотал Ивлиев.

– О тебе, – уверенно сказал Химик. – Он до сих пор в шоке.

Федор потягивал из бутылки пиво и следил за происходящим на экране.

– Нет, – Ивлиев потушил сигарету. – Он сейчас о деньгах думает. Счета у него арестовали. Друзей никогда не было. Подельники кинули, когда отчим умер. Кому он без денег нужен? Никому… Без денег он – голодный отморозок, а таких выше крыши. Вот что значит

[5] ВАЗ-2115 – переднеприводной седан, выпускавшийся с 1997 г. по 2012 г. Мелкосерийный выпуск с апреля 1997 г., массовый выпуск с 2000 г.

выбить финансовую опору. Он всегда отморозком был. А человеком только прикидывался, – он негромко выругался.

– Надо было за бугор вовремя свалить! – Химик тоже приложился к бутылке. – А Сэм по-любому гонит! Бобосы у него есть. Жену с ребенком отправил же за кордон, – он покосился на Ивлиева.

Тот только желваками поиграл вместо ответа.

– Скоро разживется, – усмехнулся Федор. – Начнет деньги из жуликов выколачивать или фонд учредит во имя чего-нибудь.

– Да, хорошо бы его на рэкете поймать, – кивнул Ивлиев и добавил специально для Федора: – Вот что значит грамотная и планомерная дискредитация!

– Меня этим не напугаешь, – Федор поставил бутылку на столик.

– Оп! – оборвал их препирательства Химик.

Из «Форда» вышел водитель «пятнашки», вслед за ним появился Самохин. Они продолжали разговаривать.

– Звук позже расшифруем, – сказал Химик.

– И так понятно, – Ивлиев поставил запись на паузу, отрегулировал изображение до четкости фотоснимка. – Олег Самохин собственной персоной! Тварь божья!

Федор посмотрел на него и покачал головой:

– Ты его тоже скушать собираешься. Или это другое?

Ивлиев уже без комментариев снял запись с паузы.

Федор курил, откинувшись на спинку кресла. После приезда в город, он был волен отправиться на все четыре стороны. Но он не торопился, решил посмотреть, чем эта история закончится. Он уже понимал, что Ивлиев возвращаться в Татск не собирается. По приезду в город отправил Яна в Барнаул, не мотивируя это ничем. Даже бесшабашный Химик резко высказался по этому поводу, потому что Ян стоил команды киллеров. Хотя Федор подозревал, что тот никуда не уехал, а крутится поблизости. За неделю до отъезда из Татска Федор видел, как он избавил босса от боли в поврежденных органах и связках. Так что стоил он не только команды убийц.

А Ивлиев готовил мясорубку. Несколько раз появлялись люди из его прошлого. На следующий день после приезда пожаловал Пресняков. Они несколько часов не выходили из кабинета. Когда беседа закончилась, по лицу Преснякова невозможно было угадать ее исход. А Ивлиев выглядел довольным.

Химик пытался убедить его нанять людей и разделаться с Самохиным чужими руками. Обычно к обеду они закрывались в кабинете и орали друг на друга. После разборок Химик выскакивал в коридор, фыркая по-кошачьи и изрыгая замысловатые тирады на воровском языке[6]. Ивлиев выходил вслед за ним со снисходительной улыбкой, ему происходящее явно доставляло удовольствие.

Днем Федор слонялся по квартире и подолгу просиживал за телефоном, разговаривая с Леной. Она не понимала, что их держит. «Что там у вас происходит, Верхошатцев?» – спрашивала она. В ответ Федор лгал. Обещал вернуться в конце недели.

Несколько раз он беседовал с Лосиком. Этот парень казался лишним. На Ивлиеве и Химике явно сходились силовые линии. Они были автономны с доступом к деньгам и ресурсам. У Лосика ничего этого не было, но у него была цель. Он рассказывал, как помогает беспризорникам и бродягам, немного рассказал о своем прошлом. Федор слушал его и только головой покачивал.

---

[6] Так называемая «феня» – обширный словарный запас тюремного сленга, отчасти с подменой понятий, отчасти закодированный, при иносказательной манере речи для непосвященных малопонятен и вводит в заблуждение.

В пятницу Химик привез бутафорию: парики, накладные бороды и разнокалиберную поношенную одежду. Ивлиев тут же загримировался и стал похож на садовода-любителя. Он самодовольно покрякал и примерил с новой одеждой наплечные кобуры.

– Пиджачки нужно расшить. Тесноваты!

– Вечером Карп с Фотиком побазарить заедут, – как бы невзначай обмолвился Химик.

– Побазарить, – нехорошим голосом повторил Ивлиев.

– Как бы в самый раз, – пробурчал тот. – В натуре, ты ласты склеишь, а нам за дела прояснить надо!

– Привет! – нехорошо улыбнулся Ивлиев. – Ты меня узнаешь?! Это я – Говор! Под чем я подписался, все сделал! Хочешь их кишки с пола собирать? Базара ноль!

Химик хотел что-то сказать, но Ивлиев так глянул, что слова у того застряли поперек горла.

– Побазарить они захотели? Я сам их найду, если ласты не склею! – он сложил в старенький рюкзак оружие с пачками денег.

– Хорош уже, Говор! – подал голос Химик.

– А ты рот закрой! – снова оборвал его Ивлиев. – Заткнись! И не дергайся! Я человек больной и нервный!

Лицо у Химика стало хищным, как у крысенка, но после угрозы он не проронил ни слова.

Федор тоже подхватил сумку с пожитками.

– А ты куда собрался? – остановил его Ивлиев.

– Я не могу пропустить такое шоу, – усмехнулся тот.

– Я тебя могу только в такси посадить. На поезд и в Татск! Не хватало тебе снова под замес попасть!

Они вышли из квартиры.

– Сергей, ты остался один, а их много, – Федор вызвал лифт.

– Кто сказал, что я один? Но я не собираюсь обсуждать это с тобой, – перебил его тот. – Или на вокзал едешь, или возвращаешься к Химику. Других вариантов не будет.

– Я не могу тебя одного отпустить. Что я Нине скажу?

Они зашли в лифт.

– Федор, возвращайся в Татск. Какое-то время тебе придется заботиться о ней и взять на себя дела. Ситуация неоднозначная. Я не знаю, чем стрелка[7] закончится. На этом все, – он сунул ему пачку долларов. – Уезжай! Иначе опять под раздачу попадешь.

Он подвез его до железнодорожного вокзала. И на том же такси укатил в центр города. Как в воду канул.

Быстро стемнело, небо было обложено тучами. Федор стоял на тротуаре, глядя на плотный поток транспорта. Он мог вернуться к Химику, но времени на маневры у них уже не было. А Сергей все запутал и концы обрубил. И ощущение у него было такое, словно он видел его в последний раз. Он все же позвонил Химику. Тот перезвонил ему через полчаса, когда Федор уже купил билет и сидел в привокзальном кафе. Выяснилось, что он за ними следил, но потерял Ивлиева в одной из пробок. Тот незаметно выбрался из такси и затерялся в жилых кварталах. По мобильнику отследить его тоже не удалось, телефон был отключен.

– Он стрелку Сэму забил, – говорил Химик. – Где забил неизвестно. Он что-то задумал! А что тоже непонятно. Ты уезжай отсюда! По ходу Говор наглухо берега потерял. Я одежду жучками нашпиговал. Он в моторе в свою переоделся, а шмотки там бросил. Мы за тряпьем полчаса катались. Мент поганый… Уезжаешь когда?

– Полтора часа осталось.

---

[7] Общее понятие для выяснения отношений между отдельными бандитами и преступными группировками. Нередко заканчивались взаимоуничтожением с применением холодного и огнестрельного оружия.

– Ну ты давай, если новости будут, я тебя наберу!

Федор убрал телефон. Он чувствовал опустошение, словно все уже произошло: Сергей убит, а его враг торжествует.

– Что же ты делаешь? – прошептал он. – Или я чего-то не понимаю?

Химик так и не позвонил. Федор до посадки сидел в кафе, пил пиво и листал журналы. А потом объявили посадку на поезд.

Ночью его разбудил звонок от Лены. Она произнесла что-то неразборчиво и разрыдалась. Он сел и облокотился на столик. Он уже понимал, что случилось.

– Лена, милая, со мной все в порядке. Я возвращаюсь в Татск.

– Что же ты не позвонил вечером?! Я же чуть от страха не умерла!

– Не позвонил, прости. Он погиб?

– Да, только что сообщили. Сгорел в машине. Господи, как же это страшно… Зачем же вы так?

– Я думал, успею приехать раньше. Как Нина?

– А как ты думаешь?

В купе Федор ехал один, он приоткрыл окно и закурил.

– Я ничего не думаю, родная. Мне горько и больно. Я пытался остановить его. Не вышло.

– Приезжай скорее, мы тебя ждем… Не могу я долго говорить, нужно за Ниной присматривать. Федя, я тебя жду… – она снова заплакала.

– Я скоро приеду. Держись, милая. Я тебя люблю.

Он положил мобильник на столик. Курил и смотрел на него. Он чувствовал, что вот-вот позвонит Химик. Но все же вздрогнул, когда телефон загудел от вибрации.

– Я уже в курсе, – сказал он вместо приветствия.

– Ага, я бабе его отзвонился. Пиздец, Говор делов наделал!

– Не понял?

– Да, вообще никто нихера не понимает! Мутно все! Мы бойца самохинского в больничке разговорили. По ходу Сэм с Говором спелись и деда хотели завалить. Но тот им дал просраться! Почти всех отморозков самохинских положил. Сэма тоже завалили…

– Какого деда? – перебил его Федор. – Ты о чем вообще?

– Штрибан[8] важный к нему приходил. По ходу он их обоих за яйца держал. Вот они и решили его грохнуть!

– Сергея опознали?

– Там мрак! До кучи в багажнике гранаты бахнули! Ты чё, думаешь, он живой, что ли?.. Нет! Два бойца выжило, один тяжелый. Но второй живой и почти здоровый. Он сказал, Говора снайпер первым снял. Тот еще в машине сидел… Дед приехал их в стороны развести, а бычье самохинское сразу палить начало. У деда снайпер, пиздец, меткий оказался!.. Короче, не знаю, – после паузы добавил он. – Пока считаем Говора жмуром! Если не всплывет где-нибудь.

– Понял. Спасибо за информацию. Позже созвонимся.

Химик закурил и посмотрел в окно. Машина ехала по залитому электрическим светом ночному городу. Пожары, взрывы и куча мертвецов остались позади. Гуляки возле ночных заведений и игровых залов казались счастливыми и очень веселыми. У них еще было какое-никакое, но будущее.

Мартиросян в это время сидел за стойкой бара, потягивая коньяк. Он не знал, как поступить, потому что Говора убрал кто-то другой.

[8] Старик, пожилой зек (жарг.).

5. Кочевник

«Расчет был верным. Спустя несколько лет девчонки и мальчишки выросли. Но те, кому не хватило ума, так и остались верны хозяевам душой и телом. Таких было большинство.

Еще через полтора десятка лет человек по кличке Пулька взял в руки обрез, но вместо того, чтобы прострелить грудь одному негодяю, приставил ствол к собственной груди.

Я немного знал его. Хотя в свое время считал, что знаю этого человека, как свои пять пальцев. Но в одном я уверен: перед тем как нажать на спусковой крючок, Пулька посмотрел на свое отражение в зеркале – он тоже верил в следующее рождение. В зеркале он увидел искалеченного, наполовину оглохшего, высохшего человека. По утрам от ударов, которые он часто пропускал в драках, у него невыносимо болела голова и начал слепнуть левый глаз. Вот кого он увидел. И еще он увидел наше отдаленное будущее, из которого уже вычеркнул себя. И улыбнулся на прощание своей хищной и дикой, непередаваемой словами улыбкой.

Умер он не сразу. По крайней мере, такой вывод был сделан в протоколе осмотра места происшествия. Наверняка у него была жестокая агония. Жаль все-таки, что я не увидел этого. Сказали бы на прощание друг другу пару слов.

При обыске у него была найдена рукопись: выправленная, отпечатанная на принтере, с графическими, искусными иллюстрациями. И. С. Тургенев «Записки охотника». Вещица в лучших самиздатовских традициях. Естественно, Тургеневым в этих «Записках» не пахло. Когда следователь прокуратуры по особо важным делам прочитал первые пять страниц, он снял с нее титульные листы, взял из своего стола собственноручно написанную совершеннейшую чепуху, которую никому еще не показывал и совершил должностной подлог. Спустя год «Записки охотника» под другим названием и под именем плагиатора вышли отдельным изданием, имели шумный успех и были многократно переизданы. Они пахли настоящей кровью.

Откровенно говоря, я был удивлен мужеством, безответственностью и тщеславием этого человека. В книге были подробно описаны события, действительно имевшие место. Разумеется, узнал «Записки» не только я. Вдаваться в подробности смысла нет. Приведу лишь одну из сентенций: «Когда руки обагрены кровью, а душа просит прощение». У душегубов обычное дело, когда покаяние ходит рука об руку с грехом человекоубийства.

Кстати, написал «Записки» даже не Пулька, и я был удивлен, что рукопись оказалась у него. Потому что Пулька ненавидел настоящего автора книги. Не сказать об этой ненависти, значит, не сказать ничего.

Так или иначе, но «Записки» стали его настольной книгой. Он их наверняка перелистывал и добавил кое-что от себя. Хотя к существу дела это тоже не имеет отношение.

Для отвода глаз бойцов с кличкой Пулька было пятеро. Со временем один из них был убит, второй просто исчез без всяких последствий, а двое поменяли документы и выбились постепенно в люди, стали независимыми и богатыми, и делали услуги бывшей кодле уже по старой памяти, да, пожалуй, на всякий случай. Из пятерых остался один. Хотя это тоже не суть. Существеннее другое. В свое время эти пятеро были связаны кличкой, как материнской пуповиной. Они очень хорошо знали друг друга, хотя встречались нечасто. И они хорошо знали, о ком именно идет речь, когда говорили: «Пулька сделал то-то и то-то».

Когда Пулька по малолетству вляпался в криминал, идея использовать несовершеннолетних в качестве гонцов уже прижилась среди местных бандитов. Пока юнец безрассуден, не ценит ни своей, ни чужой жизни – используй его… Но первыми все же были азиаты. В Россию это веяние пришло из солнечного Узбекистана и сопредельных государств.

Многие считают, что в какой-то момент блатные договорились с деловыми поделить Советский Союз на сферы влияния. Думаю, ничего подобного не было. А была алчность и неразбериха. И в этой мутной воде самые проворные нажили капиталы. Хотя все, что про-

изошло с Россией, можно считать пробным шаром грядущего мироустройства. Приветом из нового мира, в котором государственную власть не отличить от плутократии, а регулируемая потеря общечеловеческих и моральных ценностей становится нормой.

Но вернемся к Пульке. Система прижилась, оказалась весьма эффективной в тогдашних условиях. А это были семидесятые-восьмидесятые годы двадцатого века. Отныне молодые кадры для грядущей криминальной революции ковались не только за колючей проволокой. Сильные и жадные твари без стыда и совести плодились под боком будущих жертв. Пройдет десяток-другой лет, и они обретут полнокровное право легализовать свой «хозяйственный» навык. А спекуляцию и мошенничество власть предержащие нарекут предпринимательской деятельностью.

Это были истоки темного потока, чья сакральная субстанция окончательно разъела советскую империю. Те, кого я описываю, не оступившиеся люди. Это преступный элемент, и его с избытком хватает в любой стране. Они не оступились, они сделали преступный промысел своим ремеслом: жить за счет ограбленного, убитого, обманутого. А попавшись с поличным, проливать крокодиловы слезы. На свою беду, определив явную угрозу для собственного существования, государство выставило против внутреннего врага цепных псов – людей умных, решительных и беспощадных. Но по разрушительной силе противоядие оказалось сравнимо с самим ядом. Взяв на вооружение опыт и тактику противника, эти люди оглянуться не успели, как увязли в трясине по самую маковку. С этого момента, пересекаясь и постоянно противоборствуя, в нашей стране присутствует два темных потока.

Хотя и это дополнение имеет к Пульке косвенное отношение. Он всегда стоял по одну сторону баррикад. Странно все-таки что он покарал себя сам…

Когда Пулька приставил ствол обреза к груди и посмотрел в зеркало, вместо отражения он увидел что-то темное и неопределенное. Этого он объяснить не смог, а вглядеться в темную массу пристальней уже не было сил. Ему хотелось одного – закончить все как можно быстрее и уснуть, закрыть глаза. В его голове гудело и стучало мерно и глухо. Казалось, в груди вместо сердца кипит старый неисправный котел. Пулька посмотрел на вороненую сталь ствола и понял, что увидел в зеркале… Он увидел себя…»

Федор перевернул десятка два страниц, посмотрел в окно на заснеженные крыши домов и вновь углубился в чтение.

«… и вдруг он позавидовал животному. Прошептал:

– Господи, за что мне это? За что?.. Ведь я уже давно не тот, я стал другим. И ты это знаешь.

«Нет, – думал уже отстраненно, – от прошлого не уйти. Но, черт возьми, это выше моих сил. И не сбежать мне, как этой кошке, не спрятаться от беды. Поздно, уже поздно что-то менять».

И совсем уже неожиданно вспомнил Вика Лейднера по кличке Алекс, чья рукопись хранилась в ящике его стола. Вспомнил, как тот однажды сказал:

– Нас уже нет…

Пулька всегда недолюбливал его, а после этих разговоров просто возненавидел.

Тогда они застряли в Маргилане. Охота за живчиком Керимом Шариповым зашла в тупик. У таджика было сверхъестественное чутье на засады и топтунов. В начале мая он приехал в Свердловск, и вскоре эстафету слежки передали им. С этого момента два месяца они вели Керима через Уральский регион, Казахстан и республики Средней Азии, пока таджик не канул, как в омут, на высокогорьях Памира.

В конце июня они вернулись в Фергану. Встретились со здешним резидентом высокорослым, лысоватым блондином по кличке Старик. Он выдал им ключи от большого дома в

одной из махалли[9] Маргилана и три сотни на расходы. В то время, в июне восемьдесят седьмого года, Пулька еще тешил себя надеждами относительно будущего. В отличие от него Алекс уже начинал кое-что понимать. Но он спускал курок и уже тогда знал, что все закончится плохо.

– Нельзя убивать людей и оставаться человеком, – говорил он. – Нет нам прощения ни на земле, ни на небе.

– Смерти боишься? – Пулька каждый вечер напивался яблочного вина и разговаривал с напарником из неизменно горизонтального положения.

– Тебя тоже уберут. Не обольщайся. Если до тебя не доберутся они, ты сам себя прикончишь.

– Как-то так. Вот так сам себе и стрельну в лоб или в сердце.

– Тогда уж стреляй в сердце. Один выстрел в голову не всегда гарантирует смерть. А выстрелить второй раз, ты уже не сможешь.

Обычно договорившись до такого, они теряли друг к другу интерес. Пулька утыкался в телевизор, а Алекс бродил по ночному саду. С утра Пулька уходил в город, Алекс же две недели безвылазно просидел за забором. Его изуродованная душа металась как птица в клетке. В то лето он впервые задумался о будущем и попытался объяснить все, что узнал и успел понять. В то лето Вик Лейднер, потомок поволжских немцев, в глазах своего окружения слегка рехнется и начнет делать первые неуклюжие наметки «Записок». А спустя четыре года его на самом деле застрелят, как бешеного пса. Застрелят свои же, когда он возьмет за правило выходить по ночам в городской парк и убивать бродяг. Каждую неделю по два человека. Он совсем уже спятит в свои неполные двадцать два года. И когда они придут за ним, он встретит палачей улыбкой. Встанет на колени и завяжет глаза витым каратеистским поясом.

Он будет стоять перед ними на коленях, обнаженный по пояс, мускулистый и сухой, похожий на фаворита с воскресных скачек. И мастер слежки Пулька не выдержит и отвернется. В этот момент в нем тоже что-то сломается.

После того, как с Алексом было покончено, они обыскали квартиру и забрали все, что могло выдать связь убитого и убийц. Тогда же Пулька нашел шизофреническая исповедь свихнувшегося убийцы и назвал ее «Записки охотника».

А в восемьдесят седьмом году он вполне понимал и себя, и Алекса. И Алекс еще понимал себя и все остальное.

– Нужно стать неприметным, – говорил он. – Мы проехали полстраны, прикрываясь ученическими билетами. Мы можем проехать полмира и найти кого угодно, если это потребуется. Дай только срок.

К вечеру Пулька приносил полиэтиленовую канистру яблочного вина, в которых русские мужики носят бочковое пиво, и неизменно приглашал к столу напарника.

– Нет, – также неизменно отказывался тот. – Голова должна быть ясной…»

Страница закончилась. Федор аккуратно сложил листы в стопку, но не удержался, выдернул последний, прочитал завершающий абзац и вслух произнес слово: «Конец».

Федор произнес слово: «Конец!», и вдруг почувствовал такое облегчение, словно разрешился от бремени, которое не давало покоя ни душе его, ни воображению.

– Ну, – как бы оправдываясь, сказал он. – Может быть, ничего этого не было. Но очень похоже на правду. Очень похоже!

---

[9] Махалля – квартал, смежный лагерь (арабск.). В мусульманских странах и регионах – община жителей улицы, нескольких домов, жителей многоквартирного дома. Является первичным органом самоуправления. Важную роль в махалле играет соседская взаимопомощь.

Он откинулся на жесткую спинку рабочего стула и, заломив руки за голову, посмотрел в потолок. Вытянул губы трубочкой, погримасничал и вновь заговорил вслух. Заговорил так, словно в кабинете был кто-то еще:

– Ты уж меня, Пулька, прости, но я тебя умертвил! Можно было в живых оставить, но ведь ты у нас всегда хотел быть героем! А герои погибают в страшных мучениях, в отличие от нас простых смертных. Это закон человечьего бытия. Герои обязаны принимать танталовы муки, вдохновляя нас на будничный подвиг жизни. Друг мой, – оставив пафос, задумчиво пробормотал он. – Вместо того чтобы вытравливать из себя героя и превращаться в полную задницу, ты обязан был принять мученический венец. Но человек слаб, человек слаб…

– С кем это ты?

Он не заметил, как в кабинет заглянула Лена.

– Иди сюда, – Федор притянул ее к себе, посадил на колени и прошептал на ухо: – Закончил я свой рассказ. Все теперь в нем, кого знал и кого придумал. И ты, и я…

– Успокоился наконец? – улыбнулась она.

– Нет! – Федор рассмеялся.

Она прижалась к нему, положила на плечо голову. В кабинете стало тихо. За окном белел ноябрьский вечер. Изредка пролетали в воздухе снежинки.

Так в тишине просидели они несколько минут. В голове у Федора колобродили невесомые мысли, громоздились одна на одну, складывались, как в детском калейдоскопе в сказочные картины. Если бы не Лена, навалившаяся на него ласковой тяжестью, он наверняка забылся бы в этой протяжной тишине.

– Нина звонила, – тихо сказала она.

– Да? – Федор посмотрел в окно.

– Ей очень плохо.

– Да, ей нужно быть сильной сейчас.

Она уловила в его голосе равнодушные нотки:

– Что-то я тебя, Верхошатцев, не пойму!

– А что такое? – не понял он.

– Тебе плевать на нее?

– О, Господи! Да с чего бы это? – попытался оправдаться он, но Лена уже ничего не слушала.

– Она, между прочим, ждет ребенка и сейчас ей очень тяжело!

Она решительно высвободилась из объятия и вышла из кабинета. Федор проводил ее задумчивым взглядом.

Он тоже встал и прошелся, разминая затекшие ноги. Но вскоре вернулся за стол и принялся перебирать черновики.

Через час ударил долгожданный мороз. И дома, и деревья, и потемневшие от времени заборы, все стало седым от инея. Малоснежная уральская осень подходила к концу.

Еще через час зашло солнце. На полнеба расплескался холодный малиновый закат, и чисто выбеленные снегом и изморосью улицы окутались синеватыми сумерками.

Федор стоял возле окна и смотрел на вечернюю зарю. В этот час у него вдруг появилось осязаемое предчувствие беды. Он попытался отогнать его, но не смог. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, он лег на диван и взял в руки журнал. Но спустя несколько минут, поймал себя на том, что из всего текста видит только две строчки, два изречения Будды Шакьямуни[10].

Незаметно его мысли обратились к прошлому. А вскоре он задремал, только вскинулся еще и пробормотал сквозь сон:

– Мы встретимся в следующих жизнях…

[10] Будда Шакьямуни – до Просветления принц Сиддхартха Гаутама, аскет Готама, основоположник буддийского учения.

Проснулся уже среди ночи. Долго лежал в темноте, пытаясь отделить реальность от сновидения. Перед глазами все еще плавилось багровое, темное небо со всполохами молний и столбами смерчей на горизонте.

Постепенно он вспомнил, что ему приснился Михаил. Он о чем-то предупреждал, но о чем именно Федор так и не вспомнил.

Он закрыл глаза и попытался услышать его голос.

«Странно иногда оборачивается жизнь, – думал он. – Таким как Говорухин, жизнь отмеряют короткую, но как много они успевают сделать. Наверное, это и есть настоящие герои. Не полукровки вроде Пульки. А высеченные из гранита титаны! Как хорошо и приятно быть героем. Наверняка они не знают сомнений, но прекрасно знают, что есть зло. И знают, как с ним бороться. Хотя, если судить по делам Михаила, в этом вопросе он был слегка близорук».

Федор попытался вспомнить его. Вспомнить, как Говорухин говорил, ходил, улыбался. Но не смог. И это было странно, потому что при жизни Михаила их невозможно было отличить.

– Каждый выбирает для себя[11], – Федор подошел к окну.

Ночь была светлой, за облаками пряталась луна. Крыши домов и построек, дороги и палисадники припорошило свежим снегом. Свет уличных фонарей играл на тонком рисунке, намерзшем по краешку оконного стекла.

Он нашел на столе сигареты и присел на столешницу. На сердце у него было невыразимо печально оттого, что жизнь струится как ручей с горы и по прошествии лет вновь иссякнет.

– Не уберегли мы тебя, Миша…

Он щелкнул зажигалкой и увидел свое отражение в окне. Он еще раз попытался вспомнить Говорухина и вдруг осознал, что почти все осталось в прошлом. Но иногда его будут навещать призраки ушедших в небытие.

А утро было морозным и свежим. И они решили прогуляться по городу. И Федор вновь ощутил, как время плавно перетекает из будущего в прошлое. А Лена без умолку говорила о Нине. Накануне они весь вечер болтали по телефону. Вчерашняя обида растаяла. Федор улыбнулся, он уже понимал, что жена скрывает от него беременность. Но едва он заговорил с ней об этом, как она вновь завела разговор о скорой поездке в Татск.

– Ты ведь не хочешь к ним, Верхошатцев. Я это вижу!

– Неправда!

– А Нина нас ждет, – с обидой выговаривала ему Лена. – А ну-ка, посмотри мне в глаза! Что-то ты темнишь!

Времени было около одиннадцати часов утра. Улица в этот час казалась пустой. Через три квартала от них начинались районы многоэтажек. Но тишина в городе была такой, словно впереди раскинулось чистое поле.

Федор резко остановился и притянул ее к себе.

– Тебе нравится здесь?

Она смотрела на него так, словно не расслышала ни единого слова.

– Давай, уедем к Нине прямо сейчас! – он еще крепче обнял ее.

Она улыбнулась и покачала головой:

– Нет. Мы с ней обо всем договорились.

Ровно через неделю таким же морозным утром Федор долил в бак горючее, завел двигатель и оставил машину прогреваться. И только сейчас он пожалел, что летом решил не возвращаться в Каменск, а остановил свой выбор на Медянске[12], где ни родни у них не было, ни зна-

[11] Строка из стихотворения Юрия Левитанского «Каждый выбирает для себя…», сборник «День такой-то», 1976 г.

[12] Медянск – вымышленный промышленный город неподалеку от Екатеринбурга.

комых. Но в то время ему казалось, что это лучший из вариантов поменять обстановку после тоскливого и долгого сидения в огромной ивлиевской квартире, когда они боялись оставить Нину без присмотра и пытались повлиять на нее, убедить, доказать очевидные вещи. Именно тогда у него закружились на грани предощущений первые сцены из «Гибельных записок».

Когда Нина пришла в себя, когда миновала опасность, что она сделает с собой какую-нибудь глупость, Федор уехал на родину и после недолгого путешествия остановил выбор на небольшом уральском городке. Медянск ничем не отличался от близлежащих городов. Но выбор был сделан, и Федор решил поселиться в незнакомом месте, где никто не помешал бы ему работать над повестью. Сейчас он уже не помнил: думал ли о жене? Видно решил, что для нее рай будет и в шалаше. Но сегодня вдруг усомнился в том, захочет ли она вернуться из Татска.

Он вышел со двора и принялся расхаживать перед воротами.

«Пока нас не будет, – думал он, – навалит по колено снега, и соседи решат, что дом снова решили продавать, и потянется о нем дурная слава».

– Здорово, Федор! – окликнул его с дороги старик-сосед. Одет он был как полярник или альпинист.

– Здорово, Петрович!

– Прибавилось? – он имел в виду его хаотичные промеры возле ворот.

– Усохло. Зима, мать ее так!

– Ну-ну, – Петрович махнул рукой на прощание и пошел в сторону магазина.

В этот момент во дворе хлопнула дверь. Федор поджал губы и сделал задумчивые глаза.

– Федор! – раздраженно произнесла Лена.

– Да, милая моя?! – немедленно откликнулся он.

– Ты мне поможешь наконец?

– Я вот о чем думаю, – издалека начал он. Она стояла во дворе, он за воротами. – Рядом лыжная база есть. Когда вернемся, может, в лес сходим? Места здесь замечательные, бажовские…

– Хорошо, – ответила Лена.

По голосу он понял, что она улыбается.

В начале двенадцатого он перекрыл газовый кран, немного завернул вентиль на трубе центрального отопления, выключил электрические пробки и закрыл дом.

– С богом! – сказал бодро, выезжая на дорогу.

За окном мелькали дома, деревья, магазины. По объездной они выехали из южной части города, обогнули возле пруда Медянский новотрубный завод и покатили через северную часть. Справа мелькнуло электронное табло над центральной проходной завода, часы показывали половину двенадцатого, термометр тринадцать градусов мороза. Магнитола была настроена на «Радио СИ». Ведущая Эля Палем задорно рассказывала очередную байку про певичек из «Spice Girls» и смеялась над собственными шутками.

Лена откинулась на спинку сиденья.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Федор.

– Хорошо.

– Что-то с тобой происходит, милая моя?

Лена промолчала. Он подождал несколько мгновений и посмотрел на нее в зеркало заднего вида. У него даже внутри похолодело на мгновение, когда снова увидел ее непонимающий взгляд. Словно она опять не расслышала его. Федор ободряюще улыбнулся:

– Отдохни немного, я приемник выключу.

– Не надо, он не мешает.

Федор все же убавил громкость, и спустя минуту она на самом деле задремала.

За окном стремительно сменяли друг друга рабочие поселки, карьеры, заснеженные копры и отвалы пустой породы, дикие густые леса. А когда он свернул на Московский тракт и поехал в сторону Перми, на обочинах замелькали придорожные заведения, кемпинги, бензоколонки и посты Госавтоинспекции. Плескалось в эфире «Радио СИ», в салоне было тепло и было совсем неинтересно смотреть по сторонам.

– Если те, кого мы любим, покидают нас, надо просто не переставать их любить, и тогда они остаются с нами… Дома сгорают, люди умирают, но настоящая любовь длится вечно! – процитировал он фразу из фильма «Ворон»[13] и улыбнулся своей любимой.

[13] «Ворон» – готический супергеройский художественный фильм. На съемках погиб исполнитель главной роли Брендон Ли. США, 1994, реж. Алекс Пройас.

6. Обретение

Глядя на бывшего мужа, Нина все чаще задумывалась о себе. Временами ей казалось, что неисповедимыми путями господними он повторяет ее жизненный путь, только в его случае все получается ущербней и страшней, словно он уже приоткрыл заслонку ада. Наверное, он тоже понимал это и пытался искупить грехи. Да только сил и здоровья у него уже не осталось.

Лапин сильно изменился после сердечного приступа и клинической смерти, даже внешне стал другим. Похудел, занимался восстановительными упражнениями, придерживался диеты. Стал молчаливым и уравновешенным, доброты и чуткости в нем не прибавилось, но появилось спокойствие. Он уже не раздражался по пустякам и терпеливо выслушивал собеседников, с какой бы просьбой или предложением не обратились к нему.

– Я твоих глаз не узнаю, – сказала Нина при их первой встрече после развода.

– Ты тоже изменилась.

– Помогаешь детским домам, старикам. Теперь многие тебя запомнят.

– Никто меня не запомнит. Все заняты собой. А на том свете меня черти заждались.

– Говоришь страшные слова…

– Правда – это не страшно.

Наверное, он на самом деле хотел опередить время и обрести прощение еще при жизни. Но чтобы он ни делал, лучше не становилось. Все время происходили неприятности и инциденты, и становилось только хуже. Вскоре после того, как он выкарабкался с того света, отравилась жена. Оставила странную и трогательную прощальную записку. И только после ее смерти Лапин понял, что любил эту женщину больше, чем понимал это сам. Потом погибли на курорте родители, начали гореть склады и магазины, один за другим умирали самые верные друзья и надежные деловые партнеры. И он понял, что не выдержит этот марафон. Он связался с Ниной, предложил ей встретиться и обсудить общие дела.

– Борис, какие у нас могут быть дела? – она только что вышла из клинча и бывшего мужа не воспринимала совершенно. А телефонный звонок от него и вовсе казался бредом. – Борис, я не хочу тебя видеть. Я не хочу ничего слышать о тебе. И тем более не хочу иметь с тобой дел.

– Нам нужно встретиться, – повторил Лапин. Чувствовалось, что говорит он с трудом, словно не хватает для слитных фраз воздуха. – Нам нужно поговорить о детях.

Услышав это, Нина задержала дыхание, чтобы не закричать от накатившего ужаса. Сейчас разговор с ним уже казался ей изощренной пыткой.

– Почему ты молчишь?

– Я поверить не могу, что ты заговорил о них.

– Нина, у меня никого не осталось. Кроме тебя и детей у меня нет родных.

– Что же мы натворили, Борис? Что же мы натворили…

– Извини, я не вовремя. Поговорим позже, когда тебе станет легче.

– С детьми что-то случилось? – уже с тревогой спросила она.

– С ними все в порядке. Но нам нужно поговорить.

– Хорошо, где встретимся?

– Мы можем приехать к тебе.

– Нет, только не ко мне!

А про себя подумала, что ее уже тошнит от этого места.

– В таком случае, ты приезжай к нам, – предложил Лапин.

– Когда?

– Если можешь приехать сегодня, приезжай сегодня.

Нина посмотрелась в зеркало. Под глазами мешки, волосы не прибраны.

– Хорошо, я приеду к шести часам.

Так в начале сентября судьба еще раз вынесла ее из разверзшейся под ногами бездны. Так вышло, что до этого дня она не нашла опору ни в себе, ни в друзьях, ни в родных. Нашла ее в детях. Наверное, так и должно было произойти, если есть на свете бог. Но до этого момента никто не смог вывести ее из депрессии.

Федор уехал из города в начале августа, вскоре вернулся и забрал Лену. Это было даже к лучшему. Она уже не могла видеть их, особенно Федора. Видимо, он почувствовал это. А временами Нине казалось, что ей он тоже не доверяет. Это было почти недопустимое убеждение, но пересилить себя она так не смогла.

Прислугу она рассчитала на следующий день после гибели Сергея. А потом вся ее бухгалтерия и вовсе пошла на самотек. Видимо, Сергей такое развитие событий предвидел. Спустя какое-то время денежные вопросы взял на себя некто Киселев, юрист по образованию. Она видела его несколько раз, но так и не запомнила в лицо. Все проблемы он решал по телефону с ее теткой, хваткой и расчетливой Софьей Марковной Бочаровой.

Дни после гибели Сергея слились для Нины в серую ленту, отягощенную депрессией. А потом судьба выбросила из рукава еще один козырь.

Лапин жил в двухэтажном кирпичном особняке неподалеку от центра города. Начинался хмурый сентябрьский вечер. Холодный ветер трепал пожелтевшую листву на деревьях. Особняк Лапина был обнесен забором из красного кирпича и кованых решеток. За палисадом[14] ухоженные клумбы полыхали осенними цветами.

Она еще не успела выбраться из такси, как на крыльце появился невысокий светловолосый мужчина и поспешил к ней.

– Добрый вечер, Нина Викторовна! – приветливо улыбнулся он. – Заходите, милости просим! – он подошел к ней и несильно пожал руку. – Я рад вас видеть!

Он показался ей смутно знакомым.

– Рад, что вы договорились о встрече! – продолжал говорить он. – Вы меня не помните. Я Киселев. Да, тот самый Киселев! Ваш супруг знал, что я работаю на Лапина. Но у него были свои резоны, и он поручил мне заниматься вашими делами.

Он открыл перед ней входную дверь.

Дом Лапина был построен в викторианском стиле. На первом этаже хозяйственные помещения, просторный холл, кухня, гостиная и спальня для гостей. На втором этаже хозяйские спальни, кабинеты и ванные комнаты. Наверх вела лестница, выложенная цветным мрамором.

– Будьте добры, помогите гостье, – распорядился Киселев.

– Где Борис? – отсутствие Лапина начинало раздражать ее.

– Вас ждут в кабинете.

– Дети с ним?

Он задумчиво посмотрел на нее. Ей даже показалось, что она сказала лишнее.

Лапин встретил ее в дверях. Она не обратила внимания, как сильно он изменился. Сухо поздоровалась, протянутую для пожатия руку не заметила. Лапин кивнул на кресло, сам сел напротив. Все его движения были замедленными, словно ему не хватало сил.

– Устраивайся удобней, разговор может получиться долгим.

– Что вам налить, Нина Викторовна?

– Минеральной воды.

– Сегодня я попытался вспомнить, сколько лет мы не виделись, – руки Лапина лежали на подлокотниках, длинные кисти были расслаблены, только от нервного тика изредка подрагивали пальцы.

И еще Нина обратила внимание на его вздувшиеся вены и старческий оттенок кожи.

---

[14] Палисад от фр. Palissad – изгородь, забор. Позже в русском языке приобрело значение ухоженного сада перед жилым строением – палисадник.

– Пять лет, – она приняла из рук Киселева стакан воды.

Валерий Сергеевич передвигался по кабинету бесшумно, как тень. Наверняка в его присутствии следовало выбирать выражения.

– Уже пять лет, – кивнул Лапин. – Как быстро летит время.

– Зачем ты позвал меня?

Лапин медлил с ответом, осторожно поглаживая высохшей ладонью подлокотник.

– Обстоятельства складываются таким образом, что я вынужден назначить тебя опекуном наших детей. Скоро я не смогу воспитывать и поддерживать их.

После его слов в кабинете повисла ватная тишина. Нина недоверчиво смотрела на Лапина. Киселев внимательно наблюдал за ней. А Лапин продолжал поглаживать подлокотник кресла.

– А ты изменился, – повинуясь импульсу, сказала она. – Я твоих глаз не узнаю.

– Ты тоже изменилась.

– Помогаешь детским домам, старикам. Теперь многие тебя запомнят.

– Никто меня не запомнит. Все заняты собой. А на том свете меня черти заждались.

– Говоришь страшные слова…

– Правда – это не страшно. Так что ты скажешь?

– Господи, – выдохнула она. – А сам-то ты как думаешь?! Что я могу сказать, кроме слова: «Да»! Но я не знаю, как вы живете? Что с вами происходит? – она покачала головой. – Не собираюсь я обвинять тебя ни в чем. Но и забывать того, что ты сделал, тоже не собираюсь! Пять лет я видела детей за спинами твоей охраны. Пять лет я не могла подойти к ним, обнять, поговорить! Можешь ты это понять?.. Пять лет, Борис!

И пока она говорила это, в ее сердце ломалось что-то хрупкое, но очень колкое, как ледок в осенних лужах. А голова Лапина от ее слов склонялась все ниже. И еще она поняла, что он на самом деле очень плох, и страхи его не напрасны. – Это унизительно! Ты не можешь представить, как это унизительно приехать сюда и разговаривать с тобой!

– Нина, – перебил ее Лапин. – Я хочу извиниться перед тобой. Прости!

И снова их оглушило ватной тишиной. Нина смотрела на него, по ее щекам катились слезы.

– Нина Викторовна, – Киселев подался вперед.

– Нет! – она с трудом проглотила тугой комок, застрявший в горле. – Все хорошо… теперь я могу увидеть детей?

– Значит, ты согласна? – еще раз спросил ее Лапин, под ноги себе он уже не смотрел.

– Да, Борис! Конечно, я согласна!

– Валерий Сергеевич, будьте добры, проводите Нину Викторовну в детскую.

Они одновременно поднялись. Лапин остался в кресле. Теперь он смотрел куда-то поверх ее головы, и по его лицу невозможно было понять, о чем он думает. Нина сделала такое движение, словно хотела пожать ему руку, но передумала и вышла из кабинета.

Как только за ними закрылась дверь, Лапин с трудом перевел дыхание. Он несколько раз натужно сморгнул и вытер уголки глаз. Сердце в его груди ныло, а в голове пульсировала острая боль, словно в затылок воткнули вязальную спицу.

Когда Нина поднялась наверх, ноги ее едва держали. И если бы не короткие реплики Киселева: «Сюда, Нина Викторовна!», «Это здесь, Нина Викторовна!», она могла принять происходящее за сон.

В коридоре она резко остановилась.

– Скажите, это вы посоветовали Борису встретиться со мной?

– Нет, что вы, – отозвался тот, – это его собственное решение. У вас еще будут вопросы?

– Да. Где дети?

Она не могла понять, почему до сих пор не увидела их. Подумала даже, уж не под замком ли держат.

– Прошу вас, – Киселев открыл перед ней одну из дверей. – Я оставлю вас наедине.

– Конечно, – она зашла в комнату и закрыла за собой дверь.

Возможно, их первая встреча могла сложится иначе. Но едва она увидела детей – потеряла сознание.

В себя она пришла спустя пару мгновений. Дети не успели ни испугаться, ни понять, что происходит. Ее появление для них тоже стало неожиданностью.

– Мама? – прошептала Аня. – Мамочка! – и бросилась к ней.

А Лапин в это время глотал лекарства. Он ясно представлял происходившее в детской. Трудно сказать, что творилось в его душе: божился ли он в этот миг, проклинал себя или радовался счастью близких?

Киселев же, услышав звук падения, рванулся в детскую. Но за неплотно прикрытой дверью послышался возглас: «Мама? Мамочка!», и невнятный, быстрый женский говор.

Он спустился вниз и прошел на кухню. Здесь было прохладно. На электрической плите сверкали стеклом и нержавеющей сталью кастрюли и сковороды со снедью. За длинным столом сидела пожилая кухарка в ярко-зеленом халате и чепце того же цвета. Возле нее стоял миниатюрный радиоприемник и бормотал ласковым, обволакивающим голосом: «Осуществляя транскрипции скрипичных концертов для клавира, Бах обычно ограничивался почти буквальным перенесением скрипичной партии в клавесинную с добавлением в левой руке басового сопровождения и тональной транспозицией произведения на тон ниже…»[15]

– Здравствуй, Семеновна! – поздоровался с ней Киселев. – В филармонию поступать собираешься?

– Ну что там, Валера? – необычайно богатым голосом отозвалась та.

– Все хорошо! Все нормально! Чаем угостишь?

Семеновна проворно встала, и роста она оказалась богатырского под стать голосу.

Киселев сел за стол. Семеновна поставила перед ним стакан свежего душистого чая.

– Закуси вот пряничками мятными, – приговаривала она, выставляя туесок.

– Спасибо, – Киселев с удовольствием отхлебнул из стакана.

– А может тебе медку добавить?

– Спасибо, не нужно.

– Ну и ладно. Я с тобой за компанию тоже чайку попью.

Она вернулась на место. Из приемника доносились мощные переливы камерной музыки. Киселев отставил стакан в сторону и настроил его на музыкальную волну.

– Исторический факт, Семеновна! Оказывается, в тех местах, где в девятнадцатом веке появились чайные, они повсеместно вытеснили кабаки. Водки народ начинал пить меньше. Вот ведь удивительная история.

– Очень даже может быть! Чай ведь тоже располагает к беседе. Только у нас и чая хорошего нет. Вот, помню, раньше чай был исключительного качества! Хоть и смеются, что краснодарский чай – самый северный чай в мире!

Киселев хмыкнул в ответ и задумчиво посмотрел в свой стакан.

– Валера, что там все-таки происходит? – повторила она.

– Думаю, скоро ты и гостью будешь чаем поить.

[15] Рецензия на грампластинку «Мелодия» Двенадцать клавирных концертов, 1975 г., ред. И. Чумакова, СТЕРЕО 33 С 10-07319-06».

– Слава тебе, Господи! – истово перекрестилась она. – Сколько уж можно ребятишкам без матери?.. Любонька женщина хорошая была, добрая, – она сделала какой-то суеверный жест. – Но ведь они ее матерью не считали!

– Ты их родную мать видела?

– Нет, только на карточках! – она имела в виду фотографии. – Что иногда жизнь вытворяет?!

– Да, жизнь штука опасная, – кивнул Киселев. – Сколько даст, столько же и отнимет. Спасибо, Семеновна! Устал я сегодня, вымотался.

– Отдохнуть бы тебе, Валера, – кивнула она, настраивая радио на любимую волну.

Нина провела с детьми вечер. И куда только подевались сумрачная хандра и истерия? Они смеялись, перебирали фотографии – дети за эти годы успели объездить полмира. Лапин ни разу не зашел в детскую, и о нем ни разу не вспомнили. Около девяти часов к ним заглянула кухарка и пригласила к ужину. В гостиную Лапин не спустился, и снова о нем не вспомнили.

Стол был заставлен яствами. Дети пили газировку. Было шумно и весело. Но Нина все время помнила, что уже прошло пять лет. Она все время помнила об этом.

Через час после ужина она собралась уходить. Но куда там! Дети уперлись, как пеньки: «Ты теперь будешь жить с нами!» И точка!

– Аня, Павлик, давайте поговорим серьезно, – она заставила их сесть на диван. – Так уж получилось у нас с папой. Но и сейчас все непросто… – Они молча смотрели на нее большими темными глазами. Ее глазами. – У нас все будет хорошо, – она обняла их. – Теперь у нас все будет хорошо!

7. Послание

Начало зимы в Татске выдалось снежным. На обочинах уже громоздились сугробы. Накатанная дорога блестела так, что глаза у Федора заболели. Было около семи часов вечера, смеркалось. Федор позевывал и в разговоре с Леной отделывался короткими восклицаниями. Она же напротив чувствовала воодушевление и прилив сил.

– А не переехать ли нам в Татск, милая моя? – неожиданно спросил он.

Она даже онемела на мгновение.

За мостом мелькнул указатель на поселок Лялино, в который Нина перебралась из города. Федор осмотрелся и включил поворотник.

– Что скажешь, мать? Махнуть не глядя Медянск на Лялино!

Движение на дороге стало заметно интенсивней. На широкий, хорошо освещенный тракт, как в полноводную реку, впадали ручейки легковых автомобилей.

– Что это ты вдруг? – спросила наконец Лена.

– А что я?

Разговор у них получался интересный.

– Ты же летом рвался отсюда, как ошалевший!

Дорога нырнула в лесной массив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.